

КРИСТИНЪ

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 25 Юня 1814 г.

Не сердитесь на меня, что пишу вамъ всего нѣсколько словъ, но князь Феодоръ Голицынъ, взявшійся доставить вамъ эту записку, въ то же время передастъ вамъ отъ меня тысячу любезностей. Посылаю вамъ небольшой бумажникъ съ лиліями, которыя я велѣла наложить на него, такъ какъ сама не умѣю вышивать. Сегодня утромъ я написала г. Моркову, адресуя письмо въ Летичевъ: этотъ адресъ дала мнѣ г-жа Гурьева.

Я здорова, чувствую себя въ деревнѣ прекрасно; здѣсь ноги стали мнѣ опять служить; стану упражнять ихъ, пока будетъ хорошая погода; когда возвращаешься въ городъ, ихъ какъ будто у меня совсѣмъ нѣтъ. Г-жа Эверсъ продолжаетъ благодарить васъ за ваши заботы о ней; мнѣ кажется, что ея здоровье вовсе не такъ плохо; боюсь для бѣдной женщины осени: это гибельное время года для больныхъ; листопадъ опасный моментъ. Пишите же мнѣ, что вы дѣлаете, гдѣ вы большею частью пребываете? Ваши письма становятся рѣдки. Прощайте, до свиданія.

Кристинъ.

Москва, 6 Юля 1814 г.

Бумажникъ прелестенъ; я сначала не понялъ какое его употребленіе, но кн. Феодоръ научилъ меня этому, и мнѣ это показалось какимъ-то волшебствомъ и прекрасной выдумкой. Вещица модная: на ней лилія; а главное—она отъ васъ. Будьте увѣрены, что я очень цѣню бумажникъ, но если бы онъ былъ вашей работы, онъ сдѣлалъ бы мнѣ еще въ тысячу разъ больше удовольствія. Упрекну m-me Эверсъ

за упущеніе въ вашемъ воспитаніи: какъ она не научила васъ вышивать. Княжны должны всегда умѣть вышивать лиліи, чтобы поднести какой-нибудь шарфъ или другое украшеніе героямъ, имѣющимъ право носить ихъ. Сколько французенокъ на этотъ случай потрудились усердно.

Вы правы, князь Феодоръ страшно растолстѣлъ; я вчера провелъ съ нимъ вечеръ у Наталіи Абрамовны. Его жена прелестна; они подумываютъ провести зиму здѣсь; эта перспектива радуетъ меня: получился бы пріятный домъ, а мы въ этомъ нуждаемся.

Очень радъ, что переписка съ гр. Морковымъ началась. Вслѣдствіе огромнаго разстоянія отвѣты будутъ запаздывать, но этой бѣдѣ помочь нельзя. Я еще не получилъ извѣстія о его прибытіи, хотя онъ уѣхалъ уже четыре недѣли тому назадъ.

Меня ждетъ ванна; стыдно разстаться съ вами ради сѣрнистой воды, превращающей меня на весь остатокъ дня въ человѣка, съ неприятнымъ запахомъ, но приходится покориться. Это 13-ая ванна, а я долженъ взять ихъ 18. Надо стараться за время жаровъ уничтожить зачатки крапивной лихорадки, возвращающейся съ наступленіемъ зимы. Чтобы вознаграждать меня за отвратительный запахъ сѣры, добрый г. Эверсъ прислалъ мнѣ нѣсколько горшковъ резеды и цвѣточнаго горошка, наполняющіе мою комнату благоуханіемъ. Старикъ поправился; женѣ его лучше, чѣмъ я смѣлъ надѣяться весной. Скоро Обергъ поселится въ ея сосѣдствѣ, что ее успокоитъ; ея чрезвычайная худоба постоянно тревожитъ его.

Прощайте; это не письмо, а небольшая благодарность мимоходомъ за хорошенькій бумажникъ, доставляющій мнѣ удовольствіе, какъ будто я его получилъ не за выигранное пари. Вѣроятно, больше я ничего и не увижу отъ Бурбоновъ! Таковъ свѣтъ: они принуждены щадить, ласкать и осыпать милостями убійць, готовыхъ погубить ихъ, если бы то было въ ихъ власти, оставляя въ тѣни добрыхъ и вѣрныхъ слугъ, никогда не измѣнявшихъ ихъ интересамъ и всѣмъ пожертвовавшихъ ихъ дѣлу. Я не отношу этого къ себѣ, слава Богу я не французъ,—но ко всѣмъ честнымъ людямъ, лишившимся всего на ихъ службѣ.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 6 Юля 1814 г.

Только что вернулась отъ г-жи Литта, куда ѣдила нарочно за новостями, чтобы сообщить вамъ ихъ, такъ какъ начинаю замѣчать, что мои письма становятся пусты. И вотъ, что я узнала:

Вчера прибылъ курьеръ отъ Императора, отправленный изъ Дувра. Онъ возвѣщаетъ возвращеніе Государя въ концѣ мѣсяца. Но къ вечеру въ Павловскъ пріѣхалъ другой курьеръ отъ короля Вюртембергскаго. Король пишетъ Государынѣ, что Императоръ измѣнилъ маршрутъ, что онъ уѣзжаетъ изъ Карльсруэ, не будетъ останавливаться ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ, заѣдетъ въ Веймаръ и скоро будетъ здѣсь. Это извѣстіе, конечно, взволновало всѣхъ; воображали, что онъ можетъ прибыть уже сегодня, и полиція забѣгала по домамъ, предупреждая, что надо устроить иллюминацію. Не знаю, точно-ли было выполнено въ городѣ это предписаніе, но на моемъ островѣ все тихо, и не видно ни одного лишняго огонька. Дѣло въ томъ, что Государь можетъ прибыть завтра, а, можетъ быть, только черезъ недѣлю: это будетъ зависѣть отъ времени, которое онъ проведетъ съ женой въ Карльсруэ и у сестры въ Веймарѣ. Вѣнскій конгрессъ отложенъ до Сентября или Октября, такимъ образомъ Государь можетъ провести здѣсь шесть недѣль. Не знаю, приметъ ли онъ всѣ праздники, которые для него приготовляются. Строятъ триумфальную арку на петергофской дорогѣ, готовятся молебствія безъ конца, балы, фейерверки, а, главное, великолѣпный праздникъ на Биржѣ. Мнѣ кажется, что безъ императрицы Елизаветы все это не удастся, а мы положительно не знаемъ, когда она вернется. Говорятъ, что Австрія отдадутъ одиннадцать милліоновъ жителей, и у насъ оспариваютъ Польшу, т. е. Галицію, которую императоръ желаетъ имѣть, чтобы возстановить королевство Польское, королемъ котораго онъ сдѣлается. Богъ знаетъ, что правда изъ всего этого. Но я боюсь, что конгрессъ не пройдетъ мирно и что въ концѣ концовъ при сведеніи счетовъ всѣ перессорятся. Герцогъ Сера-Капріоли долженъ былъ уѣхать вчера въ Вѣну: но онъ отложилъ свой выѣздъ и поѣхалъ на дачу. Возвращеніе Императора внесетъ много шума на Каменный Островъ, гдѣ Государь, вѣроятно, поселится. Мнѣ это досадно: я люблю спокойствіе, которымъ мы наслаждаемся и котораго лишимся; всѣ сдѣлаются точно помѣшанные. Впрочемъ, я рѣшила нигдѣ не показываться, начиная со Двора. Въ самый день пріѣзда Императора я начинаю курсъ лѣченія, чтобы разбить опухшую железу на шеѣ, и это будетъ прекраснымъ

предлогодъ, чтобы сидѣть дома. Понимаете ли вы всю прелесть пребыванія въ своемъ уголкѣ въ капотѣ, съ книгой или перомъ въ рукахъ, въ хорошенькой комнатѣ, выходящей въ садъ, между тѣмъ какъ больше половины города будутъ мучиться изъ-за туалетовъ и метаться по баламъ и фейерверкамъ.

Какое блаженство не тормошиться. Вы, конечно, изъ-за этого лишились описанія всѣхъ этихъ празднествъ, но обѣщаю вамъ поставить на ноги нѣсколькихъ любителей зрѣлищъ, которые доставятъ мнѣ подробности и у васъ въ нихъ не будетъ недостатка. Каковы письма г-жи де Нуазевиль въ это голодное время? Если они длинны и интересны, повергаюсь ницъ передъ ея талантомъ, но отказываюсь отъ подражанія ей, потому что я прямо становлюсь въ тупикъ. Сегодня ровно годъ, какъ я ѣхала изъ Москвы въ Петербургъ. Сколько вещей случилось за эти двѣнадцать мѣсяцевъ! Сколько перемѣнъ! Сколько непредвидѣнныхъ событій въ Европѣ! А для меня ничто не измѣнилось, до такой степени ничто, что я все еще какъ будто живу въ 1813 г. Повѣрите ли? Ни одной новой мысли. Счастье это, или несчастье? Какъ по вашему? Рѣшите вопросъ. Прощайте, будьте увѣрены, что моя искренняя дружба къ вамъ останется также неизмѣнной.

КРИСТИНЬ.

Москва, 20 іюля 1814 г.

Ваше письмо отъ 6 пошло только 10, такъ что всѣ ваши новости опровергнуты приказаніемъ отъ 7-го объ отмѣнѣ всякихъ празднествъ.

Думаю, что никто не отнесся къ этому приказанію съ большимъ равнодушіемъ, чѣмъ вы, дорогая княжна, такъ какъ вы намѣревались оставаться въ своей хорошенькой комнаткѣ въ то время, какъ другіе будутъ тормошиться.

Я одобряю и раздѣляю вашъ вкусъ въ этомъ отношеніи; не знаю ничего болѣе утомительнаго, чѣмъ празднества для тѣхъ, кто имѣетъ въ нихъ какую нибудь роль, и болѣе скучнаго для тѣхъ, кто смѣшивается съ толпой. Наши провинціальныя депутаты не раздѣляютъ моего мнѣнія; они въ отчаяніи; они съѣхались сюда со всѣхъ концовъ имперіи, и на бульварахъ только ихъ и видно; каждый изъ нихъ рассчитывалъ блеснуть краснорѣчіемъ, присутствовать на Высочайшихъ торжествахъ, получить какую-либо милость и вернуться въ свою провинцію торжествующимъ.... Но они встрѣтили здѣсь приказъ, разрушив-

шій всё ихъ планы, и имъ приходится убираться съ носомъ. Только князь Грузинскій и его шурина Трубецкой уѣзжаютъ съ удовольствіемъ на свою ярмарку, и я увѣренъ, что въ Макарьевѣ сожгутъ фейерверкъ, узнавъ, что Императоръ отпускаетъ „короля Волги“ въ его владѣнія: нельзя себя представить, чтобы Макарьевская ярмарка могла имѣть какой-либо блескъ безъ этого верховнаго судьи, разрѣшающаго всё споры между татарами, прибывающими изъ Астрахани, чтобы повергнуть ихъ на его рѣшеніе. Въ отсутствіи князя некому было бы ихъ дуть кулаками, что было бы пагубно для честныхъ людей и черезъ чуръ выгодно для плутовъ. Слышали ли вы когда нибудь о его приговорѣ по дѣлу о кускѣ полотна, въ кражѣ половины котораго одинъ плутъ обвинялъ купца? Этотъ плутъ въ качествѣ доказательства представилъ свое полотно и полотно купца; ширина была одинакова, также какъ тонкость, и разрѣзъ соотвѣтствовалъ, такъ что случай являлся весьма затруднительнымъ. Между тѣмъ ничего нельзя было рѣшить безъ доказательства... И вотъ князь остроумно придумалъ, вооружившись безконечнымъ терпѣніемъ, пересчитать нитки въ томъ и другомъ кускѣ. Въ одномъ оказалось на 7 больше, чѣмъ въ другомъ; и тотчасъ же виновный получилъ должное возмездіе за свой обманъ: на него посыпался градъ кулачныхъ ударовъ, послѣ чего онъ раскаялся въ своемъ плутовствѣ. Полиція заставила бы заплатить обѣ стороны и ничего бы не рѣшила. Если бы въ каждомъ округѣ былъ князь Грузинскій, многое пошло бы лучше.

Я не вѣрю въ вашу апатію ко всему, происшедшему за этотъ годъ; она невозможна, и смѣю сказать, преступна, если бы существовала. Какъ, вы не чувствовали, что съ васъ свалилась большая тяжесть съ исчезновеніемъ Бонапарта? *Его необычайное* могущество, тяготившее надъ всѣмъ и грозившее раздавить насъ, не казалось вамъ невыносимымъ? Перенеситесь къ тому, что каждый русскій испытывалъ два года тому назадъ; припомните этотъ мрачный *небосклонъ*, покрытый тучами, всеявшими ужасъ во всё души, пока Провидѣніе и доблесть русскаго оружія не разсѣяли ихъ. Ахъ! Боже мой! Какая разнища въ положеніи, и какъ мнѣ пріятно сознавать это ежеминутно.

Еще разъ повторяю, что не вѣрю вамъ: вы не заглянули себя въ душу, прежде чѣмъ говорить, и напрасно умаляете свой патриотизмъ.

Прибылъ г. Нарышкинъ, адъютантъ графа Толстого. Онъ не говоритъ всего, что рассказывалъ Титовъ, но сообщаетъ многое и утверждаетъ, что нерѣшительность графа невообразима и вѣчно будетъ помѣхой

для преуспѣванія его по службѣ. Онъ не можетъ рѣшиться подписать самое неотложное письмо раньше 3 или 5 дней, а иногда и цѣлой недѣли. Онъ смотритъ только глазами Муромцева, а Муромцевъ видитъ все криво; однимъ словомъ отчасти по несчастью, отчасти по его собственной винѣ дѣла его въ эту компанію въ самомъ печальномъ положеніи.

Нарышкинъ прибавляетъ, что Алексѣй, избалованный матерью, окончательно испорченный отцомъ, въ настоящее время представляетъ изъ себя самаго пустого и невыносимаго мальчишку во всей арміи. Мнѣ изъ-за всего этого жаль бѣдной графини; она ожидаетъ возвращенія мужа съ нетерпѣніемъ, а онъ пишетъ отъ 7 іюня, что еще не предвидитъ, когда ему возможно будетъ уѣхать изъ польской арміи.

Что это за железы, требующія лѣченія? Я не люблю слышать про ваше малѣйшее нездоровье. Увѣряютъ, будто бы Государь прибылъ 14 мая, но обитатели Карповки частенько меня забываютъ: я не получилъ вчера ничего съ почтой и знаю только слухи, которымъ мало вѣрю. Получилъ письмо отъ графа Моркова, еще ничего не имѣющаго изъ Петербурга, даже газетъ. Какое удовольствіе ему доставитъ ваше письмо! Но, если вы каждый разъ станете ждать его отвѣта, чтобы писать, это то будетъ случаться рѣдко, потому, что письма идутъ по меньшей мѣрѣ три недѣли. Прощайте, добрая, дорогая княжна.

Княжна Турвѣстанова.

Каменный Островъ, 13 Іюля 1814 г.

Я исполнила ваше порученіе, передавъ Гурьевой письмо къ ея сыну. Оно отправлено. Я передала его отъ имени гр. Толстой; но, если бы даже оно было передано отъ васъ, я увѣрена, что не послѣдовало бы ни малѣйшаго затрудненія: Гурьева не можетъ имѣть причинъ отказываться отъ передачи вашего письма ея сыну. Почему вы воображаете, что къ вамъ относятся такъ плохо въ ея домѣ? Вѣроятно, до васъ дошли какія-нибудь сплетни, въ которыхъ нѣтъ и тѣни правды. Я говорила о васъ съ Гурьевой всего одинъ разъ и должна сознаться, что она какъ будто предубѣждена противъ васъ; она даже рассказывала о вашемъ пребываніи въ Александровскомъ и о сплетняхъ княгини Долгорукой, ея матери, Модена и проч. и проч. Но когда я упомянула въ свою очередь о васъ, она, не колеблясь ни минуты, повѣрила всему, что я ей сказала, и Бутурлинъ, присутствовавшій, чтобы поддержать меня, можетъ удостовѣрить вамъ вѣрность факта. Да я и не

знаю, какая у нея можетъ быть личная причина, чтобы не любить васъ, и повторяю, что ваше письмо было бы переслано такъ же, какъ письмо графини Толстой.

Возвѣщаю вамъ прїѣздъ Государя, о которомъ только что узнала. Онъ прибылъ въ Павловскъ вчера вечеромъ; сегодня утромъ въ семь часовъ былъ въ Казанскомъ соборѣ, и его ждутъ на Каменный Островъ; весь штабъ уже здѣсь, и только что мимо моихъ оконъ проѣхалъ Вязьмитиновъ съ пикетомъ императорской гвардіи. Вы вѣдь знаете, что Государь отказался отъ всѣхъ приготовлявшихся празднествъ; онъ не хочетъ ни триумфальной арки, ни какой либо церемоніи; поэтому поспѣшили снять всѣ лѣса для иллюминаціи и для трибунъ. Суетня, которую высочайшій прїѣздъ вызоветъ на нашемъ островѣ, пугаетъ меня заранѣе; но мой страхъ нельзя сравнить съ испытываемымъ очень многими, судьба которыхъ можетъ измѣниться, такъ какъ говорятъ о многочисленныхъ перемѣщеніяхъ въ министерствѣ. Столько партій столкнутся; увидимъ, кто одержитъ верхъ; но увѣряю васъ, что мнѣ жалъ бѣдняковъ, которыхъ все это коснется; у нихъ упадетъ охота ко всему, по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней. Ахъ, Боже мой, какъ мелочно все, что происходитъ на нашей планетѣ.

Всѣ люди вообще кажутся мнѣ похожими на тѣ пылинки, которыя мы видимъ вертящимися въ солнечномъ лучѣ: однѣ поднимаются, другія спускаются; пылинка, бывшая наверху, возвращается внизъ; идетъ вѣчное движеніе, производящее, можетъ быть, въ концѣ концовъ необходимый порядокъ. Какое ваше мнѣніе объ этомъ? Не глупость ли я говорю? Понимаете вы меня?

Мои сосѣди Гурьевы не изъ послѣднихъ встревоженныхъ возвращеніемъ Государя; надъ ихъ головами скопилась темная туча; увидимъ, какой вѣтеръ подуетъ въ эту сторону. Если зять Нессельроде будетъ въ милости, то буря можетъ миновать; если же нѣтъ, прощай министерство и особнякъ на набережной. Мнѣ будетъ ихъ жалъ: я ихъ полюбила, и кромѣ того Гурьевъ честный человѣкъ; у него, можетъ быть, не хватаетъ способностей для занимаемаго имъ поста, но ничего нѣтъ на совѣсти; онъ прямъ и не дѣлится съ взяточниками.

Г-жа де Нуазевиль, вѣроятно, уже сообщила вамъ о томъ, что (Татіана*) выходитъ за Потемкина, сына отъ перваго брака княгини

*) Ставшая въ послѣдствіи столь извѣстной своей благотворительностью вообще, а монастырямъ особенно.

Юсуповой *). Женихъ не представляетъ изъ себя ничего особеннаго, но добрый малый. Онъ хорошо служить, скоро будетъ произведенъ въ полковники и имѣеть десять тысячъ крестьянъ, чѣмъ нельзя пренебрегать въ нашъ вѣкъ; кромѣ того онъ влюбленъ и обѣщаетъ быть прекраснымъ мужемъ. Дѣвица прелестна. Я боялась, не романтична ли она нѣсколько; однако она выходитъ замужъ безъ особенной любви, но охотно. Теперь надо будетъ позаботиться о Софѣ, которую труднѣе пристроить, потому что она не такъ красива, какъ ея сестры. Я не беспокоюсь о Лизѣ Трубецкой. У нея въ лицѣ какое-то особенно счастливое выраженіе, такъ что съ перваго взгляда ей можно предсказать блестящую партію. А за кого-же мы выдадимъ бѣдную Евдокію Толстую?

Вотъ ее бы мнѣ хотѣлось пристроить, но не думаю, чтобы это оказалось такъ легко; могу биться объ закладъ, что она не будетъ имѣть успѣха въ свѣтѣ. Тетушка говорила мнѣ, будто въ Москвѣ прошелъ слухъ, что Толстой снова будетъ посланъ въ Парижъ. Думаю, что это вздоръ, такъ какъ тамъ посломъ Поццо; развѣ только онъ *ad interim*. Кстати, по поводу этого слова: мнѣ съ нѣкотораго времени очень хочется учиться латыни. Какъ вы думаете, можно ли при прилежаніи выучиться въ годъ понимать древнихъ авторовъ? Нѣкоторые увѣряютъ меня, что это возможно, а другіе утверждаютъ противоположное. Что Вы скажете мнѣ на это? Знакома-ли Вамъ латынь?

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 20 Іюля 1814 г.

Если вы думаете, что я буду проводить время за письмами къ гр. Моркову, то очень ошибаетесь; мнѣ вообще такъ надоѣло всякое писаніе, что часто приходится принуждать себя, чтобы взяться за перо. По совѣсти говоря, за мной былъ отвѣтъ вашему старику, и вотъ почему я написала ему; иначе, не смотря на похвальное рѣшеніе, принятое мною въ минуту его отъѣзда, я увѣрена, что откладывая со дня на день, въ концѣ концовъ ничего бы не сдѣлала. Подольская губернія такъ далеко; требуется по крайней мѣрѣ шесть недѣль, пока письмо дойдетъ туда, и на него получится отвѣтъ; такимъ образомъ я не предвижу, чтобы эта переписка могла очень стѣснить меня. Во всякомъ случаѣ не думайте, чтобы она могла нанести ущербъ моей перепискѣ съ вами; удовольствіе, доставляемое мнѣ вашими

*) Урожд. Энгельгардтъ, племянница кн. Потемкина.

письмами всегда будет побуждать меня продолжать ее, хотя на новости страшный голодъ.

За эту недѣлю, что Государь здѣсь, не случилось ничего достойнаго передачи. Мнѣ кажется, что волненіе, возбужденное его прїѣздомъ, постепенно улеглось, умы почти успокоились, и тучи разсѣялись. У моихъ сосѣдей Гурьевыхъ все благополучно. При первомъ свиданіи съ главой семьи, Государь весьма лестно отозвался о Дрезденскомъ комендантѣ; онъ повторилъ нѣсколько разъ, что очень доволенъ имъ, что онъ съ первыхъ шаговъ прекрасно зарекомендовалъ себя, и онъ очень радъ, что молодой человекъ избралъ военную карьеру. Теперь онъ вполне посвятилъ себя ей и получилъ чинъ генераль-маіора. Этого было достаточно, чтобы разсѣять тревогу семьи; мужъ все разсказалъ женѣ, а она, по очень естественному побужденію, сообщала это всѣмъ каменно-островцамъ. Кромѣ того вернулся милый другъ Толстой (гофмаршалъ), а черезъ нѣсколько времени и Нессельроде, который, какъ мнѣ кажется, пользуется милостью Государя. Однимъ словомъ, все идетъ удовлетворительно для этой семьи, чему я очень рада. Я рѣшила прїостановить мои посѣщенія къ нимъ, пока не замѣтятъ моего отсутствія. Мнѣ хотѣлось испытать г-жу Гурьеву, увѣряющую, что обожаетъ меня; и на четвертый день она явилась, дѣлая мнѣ тысячу нѣжныхъ упрековъ, что я ее забыла. Поэтому, я въ тотъ же вечеръ отправилась къ ней, и маленькія удачи послѣднихъ дней не повліяли на ея обычную любезность. Увѣряю васъ, что считаю ее очень доброй особой, и дочь гр. Моркова была бы очень счастлива, вступивши со временемъ въ эту семью; но мнѣ кажется, что это дѣло очень трудно устроить, несмотря на ея богатство (пожалуйста, чтобъ это осталось между нами). И зачѣмъ г-жѣ Хюсю понадобилось быть матерью этой дѣвочки? Или зачѣмъ г. Морковъ не отправилъ эту мать обратно во Францію, хотя бы построивъ ей для того золотой мостъ, въ случаѣ надобности. Какое она тяжелое прїятствіе на жизненномъ пути его дочери!

Я обѣдала вчера у княгини Борисъ со всей семьей Мишеля: сыномъ, дочерьми, зятями; не знаю, отъ нихъ ли у меня закружилась голова, но только въ концѣ обѣда я почувствовала себя такъ дурно, что должна была встать изъ-за стола и лечь; укусь, эфиръ и всякія соли, которыя княгиня Мишель всегда имѣетъ при себѣ, помогли мнѣ; она прислала мнѣ весь свой запасъ, и я оправилась менѣе, чѣмъ въ четверть часа. Кн. Мишель показала мнѣ вчера спокойнѣе обыкновеннаго; повидимому она очень занята Терци и въ восторгѣ отъ этого брака, который я считаю очень удачнымъ для Лизы; хотя она и

внучка покорителя Нарвы, но не думаю, чтобы нашла между соотечественниками такого жениха; надо сознаться, Bergamasque стоит своего золота.

Мишель очень подурнѣлъ, облысѣвъ и растолстѣвъ; впрочемъ. онъ довольно пріятный собесѣдникъ. Онъ мнѣ рассказывалъ очень интересно о послѣднихъ минутахъ Эммануила Сень-При. Сень-При скончался такимъ же истиннымъ христіаниномъ, какимъ былъ при жизни. Узнавъ о томъ, что онъ раненъ, всѣ его сестры поспѣшили къ нему, чтобы ухаживать за нимъ, но уже не застали его въ живыхъ. Братъ (подольскій губернаторъ) прибылъ тоже слишкомъ поздно, но, по крайней мѣрѣ, онъ могъ нѣсколько утѣшить старика-отца, находящагося въ ужасномъ состояніи. Третій Сень-При (Людовикъ) и молодой Дама, повидимому, остаются во Франціи, также какъ герцогъ Брольи, пріѣхавшій въ Россію только за матерью.

Всѣ господа изъ свиты Императора отзываются о Людовикѣ XVIII, какъ о совершенствѣ. До сихъ поръ онъ держитъ себя превосходно. Сожалѣюгъ о Жозефинѣ, которую любили, чего она заслуживала; она могла бы жить счастливо при новомъ правительствѣ. Никто не интересуется Маріей-Луизой, непомѣрно глупой и гордой. Рассказывала-ли я вамъ анекдотъ, который мнѣ написали изъ Вѣны о королѣ Римскомъ? Кажется, нѣтъ. Однажды пожелали, чтобы одинъ изъ маленькихъ эрцгерцоговъ его поцѣловалъ, но послѣдній отступилъ, говоря: „Фи, я не цѣлуюсь съ французами“. Маленькій Бонапартъ весь покраснѣлъ и закричалъ: „*Вы невоспитанный мальчишка!*“ Много рассказываютъ объ его живости, не знающей предѣловъ; гувернантка напрасно старается обуздать его; онъ не обращаетъ на нее никакого вниманія. Его любимое выраженіе: „*Я такъ хочу, такъ должно быть*“. Что изъ этого выйдетъ, одинъ Богъ знаетъ. Всѣ маршалы по наружности очень преданы королю; повидимому, ни одинъ не жалѣетъ Бонапарта. Коленкуръ женился на нѣкой мадамъ де-Канези, очень хорошенькой женщинѣ, и будетъ жить въ своемъ помѣстьѣ.

Вотъ такъ-то идетъ все на свѣтъ или скорѣе среди атомовъ, то поднимающихся, то спускающихся поочередно. Поццо ди Борго, какъ кажется, прочно устроился въ Парижъ, и слухи о графѣ Толстомъ—вздоръ; между тѣмъ онъ произведенъ въ *général en chef* и если жена его этого не знаетъ, можете сообщить ей и поздравить ее отъ меня. Невыносимый Муромцевъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты; было бы то же и съ Титовымъ, если бы онъ держался спокойно. Завтра

всѣ отправляются въ Петергофъ, гдѣ пробудутъ до 23. Княгиня Юсупова, хотя очень неподвижная по природѣ, тоже двигается въ путь. Я же предвкушаю много удовольствій въ моемъ уединеніи; во первыхъ, три утра въ полномъ одиночествѣ у себя въ комнатѣ; затѣмъ мы будемъ обѣдать у слѣпного барона Строганова. Говоря „мы“, подразумѣваю также г-жу де-Нуазевиль; поѣдемъ мы съ ней туда въ дрожкахъ. Послѣ этого пойду гулять съ ней въ деревеньку, называемую Малой Швейцаріей; она меня угоститъ земляникой со сливками; а вечеръ проведу тихо и мирно у г-жи Гурьевой. Все это мнѣ весьма улыбается и гораздо пріятнѣе платя со шлейфомъ, придворнаго обѣда и вида сотни тысячъ плошекъ. Ахъ, другъ мой, будь у меня 40 тысячъ рублей капитала, увѣряю васъ, я бы завтра же перемѣнила свою жизнь; но у меня ихъ всего 30, и придется пробиваться на моей вышкѣ по меньшей мѣрѣ еще года три. А трудно взбираться на сто тринадцать ступеней. Но надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что Господь по своей милости избавитъ меня въ эту зиму отъ хожденія по другимъ лѣстницамъ, кромѣ лѣстницы тетушки. Да, безъ всякаго сомнѣнія, осенью вы меня увидите въ Москвѣ. Прощайте, протягиваю вамъ руку, возьмите ее, если сможете.

Кристинь.

Москва, 27 Іюля 1814 г.

Узнавъ о вашихъ опасеніяхъ касательно вашихъ сосѣдей Гурьевыхъ, я въ то же время услышалъ о посѣщеніи Императрицей цвѣтниковъ m-me Гурьевой, и мнѣ кажется, что это посѣщеніе возвѣщаетъ благопріятный вѣтеръ, который разсѣетъ нависшую надъ ихъ головами тучу. Нѣтъ, до меня не дошло никакихъ сплетенъ о m-me Гурьевой; она сама выражала свою непріязнь ко мнѣ нѣсколько разъ и даже письменно; если ужъ сказать вамъ все, то еще въ 1812 г. она писала гр. Моркову: „Я не высказываюсь свободно въ своихъ письмахъ къ вамъ, такъ какъ знаю, что г-нъ К. можетъ прочесть ихъ, а я ему не довѣряю“. Между тѣмъ она была на столько неосвѣдомлена, что когда писала это въ Подольскую губернію, то я уже три года жилъ въ Москвѣ. Но это, тѣмъ не менѣе, служить доказательствомъ ея неблагопріятнаго мнѣнія обо мнѣ, и, согласитесь, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего ободряющаго, ничего, что бы побудило меня поручать ей мои письма къ ея сыну. Я знаю, что г. Морковъ пытался разубѣдить ее, и такъ какъ вы были такъ добры также замолвить съ своей стороны словечко, то, можетъ быть, это и имѣло какія либо послѣдствія; во всякомъ случаѣ я стану ждать доказательствъ, прежде чѣмъ просить у

нея одолженія, какъ бы незначительно оно ни было. Если у васъ найдется какъ нибудь время, я вамъ расскажу всю эту александровскую исторію, случившуюся 18 лѣтъ тому назадъ и представлявшую изъ себя коварное злоупотребленіе моей молодостью. Я тогда не достаточно зналъ людей, чтобы замѣтить западню, которую мнѣ устроилъ важный сановникъ (Австрійскій посланникъ Кобенцль); но у меня хватило сообразительности, чтобы понять, что разъ попавшись, для меня будетъ очень опасно открыть настоящую причину. Я молчалъ, предоставивъ всѣмъ обвинять меня; но на слѣдующій же день я открылся графу Моркову, чтобы имѣть опору въ будущемъ, и онъ поддерживалъ меня каждый разъ, когда дѣло касалось этой интриги. Не стоитъ писать объ этомъ, а какъ нибудь я вамъ все расскажу.

Ваше сравненіе съ пылинками очень вѣрно и остроумно; я его вполне понимаю, и ваши сомнѣнія показываютъ слишкомъ много скромности. Но, Боже мой, какой вы философъ для вашихъ лѣтъ! Можно подумать, что вамъ по крайней мѣрѣ 60. Видно, что вы не читаете пустяковъ. Ваши занятія тоже, вѣроятно, серьезны, такъ какъ вы собираетесь приняться за изученіе латыни. Я не въ состояніи дать вамъ въ этомъ отношеніи совѣта и могу служить только плохимъ примѣромъ. Въ дѣтствѣ меня обучали латинскому языку, но я не учился ему; я питалъ отвращеніе къ подобнаго рода сухому заучиванію, не дающему ничего воображенію и стѣснявшему крайнее легкомысліе моего ума, при которомъ я съ трудомъ могъ останавливаться на самыхъ интересныхъ предметахъ, какъ скоро для того требовалась нѣкоторая послѣдовательность. Съ годами я почувствовалъ все неудобство незнанія этого основного языка и въ 40 л. собирался серьезно приняться за изученіе его. Я пригласилъ опытнаго учителя; припомнилъ первое начало, что должно было облегчить дѣло; но признаюсь вамъ, что послѣ трехъ лѣтъ усердной работы успѣхи оказались настолько незначительны, а испытываемое отвращеніе и скука настолько велики, что я отказался навсегда отъ продолженія изученія латыни. Нѣтъ ничего труднѣе конструкціи этого языка: но вмѣстѣ съ тѣмъ ничто не сравняется въ энергіи и краснорѣчіи съ латинскими авторами. Я убѣдился въ этомъ, разбирая отрывки съ моимъ учителемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увидалъ, что только въ дѣтствѣ можно запомнить столько словъ безъ связи и столько правилъ безъ основанія, каковы многочисленныя исключенія изъ общихъ правилъ.

Если вы приметесь за это изученіе, я васъ пожалѣю, если побѣдите трудности, преклонюсь передъ вами. Но, въ сущности, зачѣмъ

вы хотите взять такой трудъ на себя? Французская литература такъ богата, что всю жизнь можно читать, такъ сказать, одни образцовыя произведенія. Чего желать большаго вамъ, женщинѣ, не имѣющей никакого дѣла, при которомъ латынь была бы необходима? Переводы латинскихъ книгъ, кажется, плохи: Делиль не сумѣлъ передать всю неподражаемую грацію Виргилія; Дюро-де-ла-Малль не даетъ вѣрнаго понятія о Тацитѣ и далеко не передаетъ его энергической скатости, президентъ Деброссъ слабый переводчикъ Саллюстія,—все это правда, однако, за исключеніемъ изящества слога, они повторяютъ факты со словъ историка и воспроизводятъ граціозные образы поэтовъ. Окупается ли удовольствіемъ прочесть все это въ подлинникѣ трудъ, затраченный на достиженіе этого? И кромѣ того число латинскихъ книгъ, особенно такихъ, которыя можетъ читать женщина, очень невелико. Много между ними весьма нескромныхъ. Совѣтую вамъ взвѣсить все, прежде чѣмъ приступить къ этому трудному предпріятію. Но главное, взвѣсьте способности, данныя вамъ природой для изученія языковъ, потому что есть люди настолько счастливо одаренные въ этомъ отношеніи, что подобный трудъ является для нихъ пустякомъ.

Напримѣръ мой врачъ Обергъ—удивительный человѣкъ: я его научилъ въ Подоліи французскому языку, какъ научилъ бы другого цѣсенкѣ; а онъ не зналъ ни аза. Въ деревнѣ, гдѣ онъ живетъ теперь, онъ нашелъ себѣ англичанина, и тотъ въ полгода какими-то фокусами вполне ознакомилъ его съ языкомъ. Онъ пишетъ мнѣ по англійски письма, отъ которыхъ не отрекся бы и членъ Парламента. Это рѣдкій и драгоценный даръ природы, и если онъ выпалъ и вамъ на долю, принимайтесь за латынь; если же нѣтъ, то ограничьтесь языками, которые знаете. Dixi.

Я въ восторгѣ отъ замужества Татіаны, и желалъ бы, чтобы Софи тоже вышла за компанію ей; это такая добрая дѣвушка, что навѣрное составитъ счастье мужа. Что касается Лизы Трубецкой, то князь Теодоръ утверждаетъ, что она могла бы стать его двоюродной сестрой, выйдя за богача Браницкаго; это была бы великолѣпная партія. А относительно Евдокіи, я раздѣляю ваше мнѣніе: ее не легко будетъ пристроить; но если она полюбитъ кого нибудь, кто будетъ ей отвѣчать тѣмъ же, помяните мое слово, онъ станетъ ея мужемъ, будь онъ даже *Bergamasque*. А *Bergamasque* въ этомъ домѣ, синонимъ всего презрѣннѣйшаго. Но дѣти этой семьи—мальчики и дѣвочки—имѣютъ желанія на столько опредѣленные и рѣшительныя, они привыкли выражаться такъ свободно и такъ стойко держаться своего, несмотря на всѣ мате-

ринскія увѣщеванія, кончающіяся всегда уступкой со стороны матери, что Евдокія никогда не пожертвуетъ своей склонностью. Очень важно, чтобы она встрѣчалась за просто только съ молодыми людьми, которые могутъ подойти ей въ мужья. Мать считаетъ своихъ дочерей ни во что не посвященными, какъ трехлѣтнихъ дѣвочекъ: между нами—она ошибается: онѣ невинны и чисты, но слишкомъ о многомъ освѣдомлены, что, по моему, не было бы великой бѣдой, если бы знаніе было передано имъ матерью, потому что могло бы служить имъ предохраненіемъ; но оно идетъ отъ подругъ, и мать объ этомъ ничего не вѣдаетъ. Дѣвица Куэно предобрая особа; она любитъ дѣвочекъ, какъ родныхъ дѣтей, но она проста, ограничена и ровно ничего не смысляетъ. Этой зимой у нея на столѣ лежали письма Мирабо къ Софіи, и кто-то засталъ Евдокію углубившейся въ чтеніе ихъ; этотъ кто-то, рассказавшій мнѣ о томъ на слѣдующій день, спросилъ м-ль Куэно, откуда могла взяться эта книга? — „Мнѣ ее одолжили“, —наивно отвѣтила она, — „пре-лестная книга“. — Между тѣмъ вы знаете, что „*La nouvelle Heloise*“ и „*Les liaisons dangereuses*“ не болѣе вредныя вещи, чѣмъ письма, писанныя Мирабо его возлюбленной изъ Венсенской тюрьмы. Самая горячая, страстная любовь изображается въ нихъ на каждой страницѣ огненными чертами, и въ 50 изъ этихъ писемъ встрѣчаются самыя зажигательныя описанія.... Посудите сами о впечатлѣніи, какое подобное чтеніе можетъ произвести на душу молодой семнадцатилѣтней дѣвушки. Прежде я предупредилъ бы мать; но продолжительный опытъ доказалъ мнѣ, что дѣло непременно оканчивается ссорой, когда начинаешь давать людямъ совѣты о вещахъ, близко касающихся ихъ, и указываешь несостоятельность системы, принятой ими и считающейся ими за лучшую. А по мнѣнію гр. Толстой ея дѣвицы примѣрныя, и она говоритъ: „Это неудивительно, онѣ не расстаются съ мадемуазель Куэно, развѣ только, когда идутъ ко мнѣ“.

Попробуйте разубѣдить ее въ этой пріятной увѣренности, и конечно, вы сдѣлаетесь личностью непріятной въ домѣ. Я видалъ это десятки разъ и вотъ почему молчалъ. Сохраните все это про себя; это вылилось изъ подъ моего пера потому, что я знаю, съ кѣмъ говорю.

12 іюля гр. Морковъ еще не получилъ вашего письма, что вижу изъ его послѣдняго посланія, помѣченнаго этимъ числомъ и полученнаго мною сейчасъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ извѣстилъ меня о пріѣздѣ графини Сенъ-При въ Мензибожъ къ знаменитому врачу по фамиліи Гакельшмитъ. Вотъ что онъ пишетъ мнѣ сегодня:—я спишу его слова, но предварительно надо вамъ сказать, что Мензибожъ всего въ 12 верстахъ отъ имѣнія, гдѣ живетъ графъ.

„Графиня Сень-При пріѣхала въ Мензибожь; она въ ужасномъ положеніи. Я хотѣлъ навѣстить ее, но она не принимаетъ никого: она вся покрыта ранами, харкаетъ кровью и почти не въ состояніи говорить. Я послалъ къ ней сегодня утромъ своего доктора Клейна подъ предлогомъ, что желаю подробнѣе узнать о состояніи ея здоровья; но на самомъ дѣлѣ Гакельшмитъ самъ проситъ объ этомъ, чтобы составить консилиумъ. Не пишите еще пока о всемъ этомъ графинѣ Толстой; когда наступитъ время, я вамъ сообщу“.

Судя по этому, положеніе серьезное, такъ какъ гр. Морковъ никогда не преувеличиваетъ. У графини, повидимому, кровь испорченная. Мужъ ея въ Парижѣ.

Вотъ и ваше письмо отъ 20-го съ хорошими вѣстями о сосѣдяхъ, сохраняющихъ стало быть большой особнякъ на набережной; я очень радъ этому; а еще болѣе радъ повышенію графа Толстого, потому что не ожидалъ подобнаго. Но невыносимый Муромцевъ, какъ вы его мѣтко называете, сдѣлается еще невыносимѣе, а Титовъ, находящійся въ Вѣнѣ, повѣситъ съ досады, что не подождалъ. Теперь онъ ожидаетъ возвращенія графа Остермана, а ваша тетушка, у которой я обѣдалъ вчера, прочла мнѣ письмо отъ княженъ, изъ котораго, повидимому, можно заключить, что раненый проведетъ зиму въ Германіи; про себя же онѣ пишутъ, что вернутся однѣ при первой оказіи. Все это разозлитъ нашего Василія Петровича.

Цѣлую ручку, которую вы мнѣ протягиваете, оканчивая ваше письмо, и очень радуюсь, что вы не оставили намѣренія навѣстить осенью тетушку, очень одинокую въ отсутствіе трехъ сестеръ.

Но объясните мнѣ ради Бога, почему и какимъ образомъ вамъ будетъ легче обойтись безъ Двора черезъ три или четыре года, чѣмъ теперь? Вамъ нуженъ капиталъ въ 40 тысячъ, а у васъ всего 30. Развѣ вы копите и надѣетесь увеличить этотъ капиталъ въ 3 года? Я спрашиваю не изъ любопытства, но исключительно изъ участія.

Увы! 10 тысячъ могутъ сдѣлать васъ счастливой или, по крайней мѣрѣ, способствовать устройству вашей жизни, и вы ихъ не находите въ странѣ, при Дворѣ, гдѣ эта сумма все равно, что зерно ячменное! Малѣйшая протекція у Е. В. доставила бы вамъ приданое, обыкновенно выдаваемое фрейлинамъ, выходящимъ замужъ. Попросите эту сумму сами или черезъ друзей въ подходящую минуту; я увѣренъ, что получить будетъ

не трудно. Можетъ быть, тому не бывало примѣра; тѣмъ лучше: тѣмъ скорѣе можно надѣяться на успѣхъ. Ахъ, если-бъ я былъ Императоромъ, какую независимую судьбу я устроилъ вамъ! Но, Боже мой, даже не надо быть для этого государемъ. Вы окружены людьми, не знающими, куда дѣвать свое богатство и никогда не думающими о чужомъ счастьи.

Это непостижимо! Нѣтъ, если бы я разбогатѣлъ, мое сердце не очерствѣло бы, я это чувствую; я бы считалъ, что богатство только тѣмъ и доставляетъ счастье, что можно имъ дѣлиться, а что излишекъ, который оставляешь себѣ, превращается какъ бы въ золотую тюрьму, куда заключаешь собственное сердце.

Какъ ни прекрасна тема, мнѣ некогда долѣе распространяться о ней; время бѣжить, а письмо и безъ того нескончаемое. Между тѣмъ надо переговорить съ г-жей де-Нуазевиль, которую я началъ укорять за ея молчаніе, когда меня прервало ея письмо. Но завтра предстоятъ еще два значительныхъ посланія, одно къ графу Моркову, второе къ гр. Толстой. Прощайте! Похлопочите, чтобъ вамъ выдали приданое, для того чтобъ Вы могли разстаться съ дворцомъ, какъ другія получаютъ приданое, выходя замужъ, въ чемъ часто потомъ раскаиваются. Вы не будете раскаиваться разставшись съ тѣмъ, что васъ стѣсняло, и несмотря на ваше рѣшеніе, это не помѣшаетъ вамъ выйти замужъ, если представится хорошій и вѣрный случай. Не знаю, желаю ли я этого, потому что узнать, удаченъ или неудаченъ бракъ, можно только послѣ совершившагося факта, но увѣренъ только въ одномъ положительно: что желаю вамъ больше, чѣмъ кому либо на свѣтѣ, безоблачнаго и прочнаго счастья, какого вы вполнѣ заслуживаете.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 27 Іюля 1814 г.

Вѣроятно, я плохо выразилась, говоря вамъ о своей апатіи и о томъ, что съ прошлаго года ничто не измѣнилось для меня. Я, конечно, принимала участіе въ счастьѣ и славѣ Императора и русской арміи, но всѣ событія, случившіяся за послѣдній годъ, не внесли никакого измѣненія ни въ мое внѣшнее положеніе, ни въ душевное настроеніе; 27 Іюля 1814 г. для меня совершенно то-же, что было 27 Іюля 1813 г. Вотъ все, что я хотѣла сказать вамъ, и меня къ тому побудило чувство грусти, составляющей мое обычное настроеніе за послѣдніе три или четыре года. Не станемъ больше думать объ этомъ и возвращаться къ

этому вопросу. Если ваши бульварные депутаты недовольны, что их остановили на такомъ пріятномъ пути, то доѣхавшіе сюда испытали не меньше разочарованія: они надѣялись фигурировать и получить какія-либо милости, а вернутся, не выдавъ ничего, кромѣ праздника въ Петергофъ и нѣсколько тысячъ плошекъ. Вчера предполагался прекрасный праздникъ въ Павловскѣ: съ спектаклемъ на открытомъ воздухѣ, балетомъ и различными увеселеніями. Приглашенія разсылались за 2-3 дня; весь городъ волновался цѣлые сутки, добывая лошадей и экипажи. Княгиня Борисъ уѣхала въ 8 часовъ утра съ дочерью Куракиной, съ Софи и съ Лизой Трубецкой; княгиня Юсупова тоже поѣхала, и на Каменномъ Островѣ остались только г-жа Гурьева, княгиня Долгорукая, баронъ Строгановъ и я. Я приняла похвальное рѣшеніе отобѣдать у Строганова и увлекла туда г-жу Гурьеву. Каково же было наше удивленіе, когда, вставъ изъ за стола, мы увидали г-на Гурьева: оказалось, что никакого праздника нѣтъ: начавшійся въ часъ дня дождь и черныя тучи, обѣщавшія то-же на вечеръ, заставили Императрицу измѣнить планъ; все было отмѣнено, и три четверти отправившихся на праздникъ оказались въ своихъ экипажахъ у петербургской заставы. И такъ всѣ вернулись домой, и я не знаю, что происходитъ въ Павловскѣ. Но до сихъ поръ моя княгиня не возвращалась; Богъ знаетъ, гдѣ она и гдѣ проведетъ ночь. Я въ домѣ одишенька, только подъ охраной моихъ двухъ молодыхъ людей: Потемкина и молодого Юсупова, живущихъ какъ разъ надо мной. Татьяна Голицына прекрасно справляется съ своей ролью невесты: она не дичится и не держитъ себя слишкомъ свободно; она сумѣла найти середину, и я увѣрена, что эта молодая особа умнѣе, чѣмъ про нее думаютъ. Ея будущая свекровь относится къ ней ласково; съ семьей же Щербатовыхъ нелады; но за это вознаграждаетъ князь Юсуповъ, очень довольный свадьбой.

Я недавно показала ему мѣсто вашего письма, касящееся его: онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ и передать вамъ его привѣтъ. Италія не привела въ восторгъ моихъ сестеръ; онѣ пишутъ, что желаютъ возвратиться въ Россію, если даже графиня Остерманъ не вернется въ нынѣшнемъ году. Я не говорю имъ ни *да*, ни *нѣтъ*; онѣ должны знать, что дѣлаютъ. Я понимаю, что можетъ надобѣсть скитанье по свѣту съ двумя лицами, большею частью недовольными другъ другомъ, но не понимаю, чтобы можно было устоять противъ желанія увидать храмъ Св. Петра и Ватиканъ; мнѣ кажется, что Римъ и Іерусалимъ такіе города, которые пріятно увидѣть, каковы бы ни были годы. По крайней мѣрѣ это единственныя путешествія, которыя я

желала бы совершить. (Простите, прошу васъ, мое недостаточное увлеченіе Швейцаріей).

То, что вы мнѣ сообщаете объ Алексѣѣ Толстомъ меня не удивляетъ; я никогда не признавала его способнымъ стать чѣмъ нибудь; его слишкомъ баловали, и со времени отъѣзда мосье Фавра онъ не занимался ничѣмъ серьезнымъ. Вообще, моя бѣдная графиня Толстая, такая умная, образованная и достойная, совсѣмъ не сумѣла воспитать своихъ дѣтей! Я никому не скажу этого, но это такъ, да вы это сами знаете. Когда ея старшей дочери было 7 лѣтъ, графиня строила планы о воспитаніи этой дѣвочки. Но не одинъ изъ нихъ не осуществился, и она дѣлала совершенно противоположное тому, о чемъ мечтала. Не въ первый разъ мнѣ приходится видѣть подобныя вещи, и если бы мнѣ случилось выйти замужъ и имѣть дѣтей, я, можетъ быть, совершила бы тотъ-же грѣхъ, хотя мнѣ и кажется, что это для меня было бы невозможно. Однако, прощайте. Много словъ наговорено, а сказано мало. Мы живемъ во время, когда новости изсякли. Кстати, что это за больной, за которымъ вы ухаживаете, и который въ вашихъ письмахъ хранить свое инкогнито? Это интересуеть меня и м-мъ де Нуазевиль. Можно подумать, что это прошлогодній дрезденскій пациентъ, изъ-за котораго было столько тревоги. Назовите намъ вашего больного, если хотите вернуть намъ покой. Боже мой, какъ грустно кончилъ вашъ сыроваръ! Ужасно! А его проклятый „Vocabulaire“. Сожгли ли вы его? Я этого требую отъ вашей честности. Пусть объ этомъ не будетъ больше и рѣчи. Въ огонь, въ огонь! Такая судьба постигла ваше письмо, послѣ того, какъ я прочла эту ужасную исторію.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 3 августа 1814.

Вотъ вы стараетесь внушить мнѣ отвращеніе къ латинскому языку; графъ де-Местръ говорилъ мнѣ, также какъ вы, о чрезвычайной трудности изученія его, если не начать въ дѣтствѣ. Три разныхъ слова для выраженія одного глагола—это нѣчто ужасное! Скажу вамъ, что я выучиваюсь языкамъ очень легко: читать и писать по итальянски я научилась въ полгода и читаю Аріосто и Тассо. Я занималась этимъ языкомъ отъ 15 до 18 лѣтъ, потомъ не имѣла случая возвращаться къ нему, но, несмотря на то, не забыла его; я не говорю по итальянски такъ же свободно какъ по французски, потому что не имѣю привычки, но все-таки выражаюсь безъ затрудненія. Въ настоящее время я читаю Дѣянія Апостольскія по итальянски. Лондонское Библейское Общество прислало сюда два экземпляра Новаго Завѣта на этомъ языкѣ—на са-

момъ изящномъ тосканскомъ нарѣчіи;—Голицынъ далъ мнѣ одинъ изъ нихъ, а второй—графу де-Местру. Я занимаюсь этимъ чтеніемъ каждое утро, и мнѣ никогда не приходится прибѣгать къ помощи французскаго. Восемь лѣтъ тому назадъ мнѣ захотѣлось учиться по англійски, и я пригласила учителя, съ которымъ прекрасно начала; но онъ вздумалъ бѣжать изъ Петербурга, никто не знаетъ, почему и куда. М-ръ Коллинсъ—такова была его фамилія,—оставилъ мнѣ грамматику, по которой я занималась еще нѣкоторое время: но затѣмъ послѣдовала поѣздка въ Москву, назначеніе ко Двору, переселеніе во дворецъ, разсѣянная, шумная жизнь съ безконечными выѣздами, такъ что нечего было и думать объ англійскомъ, а между тѣмъ я увѣрена, что примись я снова за него, я бы сильно подвинулась въ теченіе года. Изъ этого вы видите, что у меня есть нѣчто общее съ вашимъ докторомъ. Но я увѣрена, что онъ имѣетъ надо мной большое преимущество въ терпѣніи, никогда не принадлежавшемъ къ числу добродѣтелей моего характера. За нѣсколько лѣтъ я много поработала надъ собой въ этомъ отношеніи, но все же часто бываютъ вспышки нетерпѣнія. Вотъ что меня останавливаетъ главнымъ образомъ: при всемъ моемъ рвеніи къ латинскому языку мнѣ пришлось бы много работать, и если бы дѣло не пошло такъ быстро, какъ бы я того желала, занятіе мнѣ скоро надоѣло бы, и въ концѣ концовъ я бы только потеряла много времени, которое могла бы употребить лучше. Впрочемъ, въ консультаціи, которую я собрала по этому вопросу, большинство сказала *нѣтъ*, и оно одержало верхъ. Стало быть, забудемъ о латыни и станемъ читать по французски, какъ вы совѣтуете. Кстати, по этому поводу: получили вы уже въ Москвѣ сочиненіе г-жи де-Сталь о Германіи? Мнѣ одолжили эту книгу, и я нахожу ее довольно интересной. По моему въ общемъ ее нельзя назвать хорошей: въ ней нѣтъ плана, нѣтъ послѣдовательности, но встрѣчаются очень милыя подробности, удачныя выраженія, и она читается безъ скуки. У г-жи Сталь масса идей, и многія, столь же справедливыя, какъ глубокія, выражены весьма изящно; но нельзя отрицать, что у нея есть и плохія вещи. Постарайтесь добыть эти письма о Германіи и прочтите описаніе Интерлакенскаго праздника: это очень мило. Вы правы, я не читаю ничего легкомысленнаго, это меня не занимаетъ, если даже написано мастерски; это вовсе не въ моемъ духѣ; уже два года, что я не открывала никакого романа, хотя и появилось нѣсколько, имѣющихъ успѣхъ. Это не результатъ моей работы надъ собой, а пришло съ годами.

Графиня Остерманъ нашла, что черезъ-чуръ дорого путешествовать съ лишнимъ экипажемъ и поэтому предложила моимъ сестрамъ

возвратиться въ Россію съ г-жей Васильчиковой, находящейся въ Эгрѣ. Онѣ ѣдутъ въ Москву и какъ только придутъ туда, я также пушусь въ дорогу.

Все это мнѣ разсказалъ Николай Долгорукій, прибывшій курьеромъ изъ Вѣны; онѣ не понимаетъ этой экономіи, заставляющей г-жу Остерманъ разстаться съ двумя лицами, бывшими ей столь полезными и сдѣлавшимися ей необходимыми. Еслибъ еще этотъ супругъ и супруга жили между собой, какъ большинство смертныхъ; но у нихъ и недѣли никогда не проходитъ безъ ссоры (хотя они и обожаютъ другъ друга). Всегда нуженъ былъ между ними посредникъ, чтобы улаживать ссору. Съ другой стороны не могу надивиться необходимости экономіи, когда обладаешь великолѣпнымъ состояніемъ, очень плохимъ здоровьемъ и не имѣешь дѣтей! Для кого же копить? Для родственниковъ, которые даже спасибо не скажутъ! Ну, пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ. Если сестры изъ-за этого лишатся удовольствія увидать Италію, онѣ за то вернуться на родину, чтобы жить спокойно.

Я слышала, что гр. Сенъ-При была очень больна, но не знала, чѣмъ именно. Братъ ее, навѣстившій меня, сообщилъ мнѣ объ этомъ, а письмо гр. Моркова подтверждаетъ, что положеніе ея серьезное. Если она умретъ, не думаю, чтобы мужъ очень огорчился: эта женщина буквально отравляла ему существованіе. Разскажу вамъ въ другой разъ, какъ устроюсь, чтобы имѣть 40 тысячъ. Сегодня не могу писать больше. Приѣхала г-жа Литта, и нужно итти бесѣдовать съ ней. До свиданія.

Кристинъ.

Москва, 6 Августа 1814 г.

Да, я, конечно, сжегъ вокабулярій покойнаго и еще *много кое-чего*. Мать умѣетъ вездѣ открывать грязь. Книги и библіотека этого человѣка были таковы, что вы себѣ и представить не можете. Нѣтъ крайности, до которой человѣкъ не способенъ дойти, предаваясь страсти, сгубившей этого несчастнаго. Другія страсти тоже таковы; любовь создала и чудовищъ и героевъ; честолюбіе заставляетъ губить людей, какъ мухъ; месть ведетъ къ убійству и клеветѣ; распутство убиваетъ душу еще скорѣе, чѣмъ истощаетъ тѣло... Счастливъ, кто умѣетъ предохранить себя отъ страстей или удержаться на скатѣ, ведущемъ къ погибели.

Вотъ вамъ прекрасная проповѣдь, которую я вовсе не имѣлъ намѣренія читать. Ваше письмо отъ 27-го порадовало и огорчило меня; я прекрасно понимаю ваше объясненіе, въ которое плохо вдумался, читая его въ одномъ изъ вашихъ послѣднихъ писемъ. Не сѣуйте на свое спокойствіе! Не слѣдуетъ ли предпочитать его сильнымъ движеніямъ души, опасеніямъ, волненіямъ, даже надеждамъ, почти всегда обманчивымъ? Я, Богу извѣстно, не всегда былъ спокоенъ, но доволенъ, что теперь достигъ этого, и черезъ два года вы будете также раздѣлять мой взглядъ. Я хорошо знаю чувство, возбуждаемое апатіей, которой вы страдаете; но извѣстно ли вамъ, что заставляетъ переносить противоположное состояніе? Нельзя пользоваться полнымъ счастьемъ на землѣ; это неопровержимая истина, которую богословы причисляютъ къ доказательствамъ безсмертія души. Исходя изъ этого, вѣрьте, что спокойствіе съ его скукой и грустнымъ однообразіемъ есть зло меньшее, чѣмъ сердечное волненіе, правда дающее яркіе проблески счастья, но всегда однимъ или другимъ способомъ причиняющее большія мученія. Мы всѣ влачимъ нашу цѣпь, или, выражаясь болѣе христіанскимъ образомъ, всѣ мы несемъ свой крестъ; постараемся же дѣлать это не подавая виду и весело, станемъ помогать другъ другу и посмѣемся надъ ропотомъ нашей людской природы, разсудивъ, какъ все это непродолжительно, и обращая наши взгляды на ту родину, гдѣ благороднымъ способностямъ души уже не будутъ мѣшать желанія земныхъ чувствъ, съ которыми намъ постоянно приходится бороться.

Но вотъ я опять впалъ въ проповѣдническій тонъ..... Лучше поговорю съ вами о графѣ Морковѣ, приславшемъ мнѣ прилагаемое письмо къ вамъ; онъ, вѣроятно, сообщаетъ вамъ о смерти бѣдной г-жи Сень-При, скончавшейся 23 Іюля. Онъ тотчасъ же поѣхалъ, чтобы опечатать бумаги и вещи покойной, взялъ дѣтей къ себѣ и приказалъ набальзамировать тѣло, предполагая, что родные захотятъ перевезти его въ фамильный склепъ. Онъ мнѣ поручаетъ сообщить грустное извѣстіе г-жѣ Толстой, и я уже написалъ графинѣ Протасовой, чтобы она передала вѣсть своему другу, у которой уже, вѣроятно, оставалось мало надежды послѣ того, какъ я просилъ г-жу Протасову сообщить ей послѣднія извѣстія. Увы, жизнь бѣдняжки г-жи Сень-При была не изъ счастливыхъ, не смотря на ея состояніе, на прекраснаго мужа, котораго она любила, и на прелестныхъ дѣтей! Повторяю, у каждаго есть свои горести, и наше личное горе кажется намъ всегда самымъ тяжелымъ. Я сегодня то и дѣло начинаю читать мораль, точно мною овладѣло какое-то бѣшенство.

Маленькая Моркова прихварываетъ: ее поятъ молокомъ и поговариваютъ, что ее надо увезти въ Италію. Графъ приглашаетъ меня ѣхать съ ними. Если бы этому путешествію суждено было осуществиться и я могъ бы быть полезенъ, я не сталъ бы колебаться, хотя и не люблю путешествій. Но все это останется проектомъ, какъ тысячи другихъ вещей.

Я также, какъ вы, не понимаю, чтобы княжны, доѣхавши до самой Италіи, не имѣли случая увидеть эту прекрасную страну. Но какъ знать, что заставляетъ ихъ вернуться! Кто знаетъ, каковы лица, съ которыми онѣ живутъ? Экзальтированная женщина, челоуѣкъ, у котораго голова не въ порядкѣ—все это достаточныя причины, чтобы желать разстаться съ этими людьми, не видя возможности быть имъ болѣе полезнымъ. Я увѣренъ, что онѣ расскажутъ вамъ многое, чего не могли написать и что заставить объяснить ихъ возвращеніе какъ поступокъ весьма естественный.

По случаю возвращенія Императора дается много празднествъ, конца которыхъ ждуть съ нетерпѣніемъ въ надеждѣ, что за удовольствіями наступитъ очередь дѣла, и мы увидимъ хотя начало преобразованій въ томъ грабительствѣ, которому подвергается публика. Это грабительство доведено до послѣднихъ предѣловъ въ Москвѣ, его надо прекратить рано или поздно. Зачѣмъ вы скрываете нашего генералъ-губернатора въ Петербургѣ? Видѣли ли вы его? Прощаютъ ему 1812 годъ? Пришлетъ ли намъ его Государь обратно? Напишите, что знаете объ этомъ.

Сообщаю г-жѣ де-Нуазевиль, что мнѣ пишетъ маркизъ Ла-Мозонфоръ изъ Парижа. Я сейчасъ получилъ письмо отъ него. Его первоначальный энтузіазмъ значительно остылъ.

КРИСТИНЪ.

Москва, 13 Августа 1814 г.

Говоря откровенно, не могу считать г-жу Остерманъ настолько мелочной, чтобы она рѣшилась лишить себя столь же пріятнаго, какъ и полезнаго, общества изъ за мелочнаго денежнаго расчета, къ которому нѣтъ никакого основанія, принимая во вниманіе ея большое состояніе. Это постыдный и неудачный предлогъ, можетъ быть скрывающій причину еще болѣе постыдную, выставить которую не рѣши-

лись. Вотъ какъ я думаю, не зная дѣйствующихъ лицъ. Я слыхалъ, что г-жа Остерманъ любезна, но вспыльчива и ревнива... Всѣ страсти, затемняющія разсудокъ, мѣшаютъ способности здраво размышлять и заставляютъ дѣлать тысячу глупостей! Увидите, что княжнамъ пришлось пережить не мало неприятныхъ минутъ, и что онѣ считаютъ себя очень счастливыми вернуться къ своей милой тетушкѣ. Я былъ бы радъ, еслибъ по своему возвращенію онѣ нашли свой домъ сгорѣвшимъ и обрѣли свою прежнюю независимость; но домъ г-жи Арсеньевой почти что ихъ собственный. Если у васъ есть 30 тысячъ капитала и у каждой изъ вашихъ сестрицъ столько же, то, можетъ быть, соединившись, вы можете жить своимъ хозяйствомъ. Будьте увѣрены, что нѣтъ существованія болѣе счастливаго; желаю вамъ, главное, тагъ устроиться.

Я прочелъ книгу г-жи Сталь о Германіи мелькомъ и только отрывками въ тѣ четыре дня, которые г-жа Сталь провела здѣсь. Она одолжила мнѣ единственный экземпляръ, сохранившійся отъ уничтоженія всего изданія по приказанію Бонапарта, не выставившаго тому иныхъ причинъ, кромѣ упорнаго замалчиванія ею всего, касающагося его. Я непремѣнно приобрѣту эту книгу. Я согласенъ съ вами, что г-жа Сталь чрезвычайно умна, но ея книги безцѣльны. Ея ненасытное честолюбіе побуждаетъ ее писать безъ перерыва, чтобы занимать собой всю читающую Европу. Эта женщина знала яркіе проблески счастья, но также цѣлые періоды уязвленнаго самолюбія, какъ бываетъ со всѣми, живущими однимъ этимъ чувствомъ. Она была создана, чтобы пользоваться любовью общества за свою любезность, но это счастье постоянно смущалось тѣмъ неприятнымъ, что ей приходилось читать въ критики на ея произведенія и ея мнѣнія.

Вотъ письмо отъ графа Моркова. Онъ мнѣ пишетъ: „По какой роковой случайности Провидѣніе, благодаря которому для насъ создалось столько великаго и благотворнаго, допускаетъ на ряду съ тѣмъ такіа смѣшныя и скандальныя вещи, какъ происшедшее въ Лондонѣ между принцемъ и принцессой Уэльскими? Оно, повидимому, желаетъ держать насъ въ вѣчномъ страхѣ о нашемъ будущемъ, чтобы мы никогда не забывали, какъ нуждаемся въ Его помощи во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни! Сообщите это размышленіе княжнѣ Туркестановой, чтобы она видѣла, что я ужъ вовсе не такой отверженный, какъ она думаетъ“.

Вся семья Сень-При съ губернаторомъ и гувернанткой у г-на Моркова. Г-жа Толстая сообщаетъ мнѣ, что пришлетъ съ слѣдующей почтой

письмо къ сестрѣ Софіи, и въ этотъ промежутокъ она узнаеть, что сестры уже нѣтъ въ живыхъ. Какъ вы думаете, будетъ она этимъ сильно огорчена? Здѣсь никто не горюеть: у покойницы здѣсь не было друзей; ея сверстники даже не поражены, и это нѣсколько удивляетъ и шокируетъ меня. Товарищъ дѣтства (если можно примѣнить этотъ терминъ къ женщинамъ), умирающій въ 38 лѣтъ, всегда производитъ нѣкоторое впечатлѣніе; но въ этомъ случаѣ нѣтъ и слѣда чего-нибудь подобнаго: эту смерть приняли, какъ будто скончалась Анна Борисовна, или кто нибудь, кого никогда не видали, между тѣмъ какъ смерть брата вызвала большое участіе. Но, Богу извѣстно, что г-жа Сенъ-При при своей ворчливости и вспыльчивости имѣла доброе и отзывчивое сердце, въ которомъ Небо отказало князю Георгію; но онъ забавлялъ, а что забавляетъ, то нравится, и о томъ жалѣють,—жалѣя ради себя изъ эгоизма больше, чѣмъ изъ безкорыстнаго чувства.

Вчера я ходилъ въ Кремль смотрѣть, какъ поднимали новый крестъ на колокольню Ивана Великаго. Съ задачей справились очень быстро при помощи кабестановъ и рукъ. Этимъ начинается возстановленіе этого прекраснаго мѣста, подвергнувшагося поруганію. Я никогда не поднимался на знаменитую колокольню и вздумалъ сдѣлать это вчера; я пересчиталъ ступени и съ удовольствіемъ могу сообщить вамъ, что до первой площадки ихъ ровно 113. Стоя подъ этими огромными колоколами, я думалъ о васъ и говорилъ: вотъ я на высотѣ башенки, гдѣ она обитаетъ; я искалъ вашихъ оконъ; со всѣхъ сторонъ ихъ виднѣлись сотни тысячъ, но вашихъ я не увидалъ. Я поднялся вдвое, втрое выше, могъ окинуть всю Москву однимъ взглядомъ, но, вѣроятно, надо бы подняться на Вавилонскую башню, чтобы увидать жилище друзей, обитающихъ за 700 версть.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 10 Августа 1814.

Конечно, я могу скопить 40 тысячъ, только откладывая изъ денегъ, получаемыхъ отъ Двора. Мнѣ и въ голову не пришло бы увеличить свой маленькій капиталъ инымъ средствомъ. Нѣтъ на свѣтѣ человѣка, имѣющаго право сдѣлать мнѣ денежный подарокъ. Отъ одной только г-жи Арсеньевой я могла бы принять его безъ возраженій. Но за исключеніемъ ея, нѣтъ человѣка, отъ котораго я пожелала бы получить хотя копѣйку, не столько изъ гордости, какъ изъ деликатности, которая заставляла-бы меня считать себя недостаточно благодарной. И это чувство отравляло бы мнѣ жизнь и ставило бы меня въ настоящую

зависимость. Я стану урѣзывать себя, еще нѣсколько лѣтъ буду карабкаться на свои 113 ступеней и скоплю еще нѣсколько тысячъ. Я не легко теряю бодрость духа; во всю свою жизнь я стойко добивалась того, что разъ задумала. Я всегда шла по извѣстному пути, отъ котораго не уклонялась. Слава Богу, такой образъ дѣйствія доставилъ мнѣ кое-что. Почему не стѣснить себя еще, если хочешь достигнуть независимости? Я принята ко Двору въ 1808 г., когда у меня было 16 тысячъ рублей; въ это время мнѣ пришлось значительно увеличить мои расходы на туалетъ; годъ пребыванія прусской королевы въ Петербургѣ обошелся мнѣ очень дорого; въ продолженіе 17 дней у насъ ежедневно давались праздники, балы, маскарады, спектакли въ Эрмитажѣ, вечера у Императрицы; затѣмъ обрученіе великой Княжны Екатерины, — однимъ словомъ, каждый день нуженъ былъ новый туалетъ, и можете себѣ представить, сколько пришлось изтратить. И вотъ, не вдаваясь въ слишкомъ большую роскошь, я все же одѣвалась, какъ всѣ, но, несмотря на то, въ этотъ первый годъ своей придворной жизни я все же отложила тысячу рублей. Въ слѣдующіе годы дѣло пошло еще лучше, и вообще съ 1808 по 1814 г. мой капиталъ увеличился до 30 тысячъ. Правда, что къ этой суммѣ прибавилось пять тысячъ рублей отъ выиграннаго процесса; но остальные девять тысячъ — чистая экономія. И не воображайте, чтобъ я отказывала себѣ во всемъ; вовсе нѣтъ: кромѣ необходимаго, я позволяла себѣ даже нѣкоторыя прихоти, напримѣръ свою мебель, — и почти каждое лѣто ѣздила въ Москву повидаться съ тетуской. Какъ все это устроивалось? Не знаю. Но такъ какъ мнѣ удавалось до сихъ поръ, то я и не теряю надежды, что черезъ три года къ моимъ тридцати тысячамъ прибавятся еще десять. Тогда я покину Дворъ и, по обыкновенію, при отставкѣ получу еще десять тысячъ; такимъ образомъ у меня окажется всего 50.

До сихъ поръ мнѣ не приходилось встрѣтиться съ вашимъ московскимъ губернаторомъ, хотя онъ живетъ не далеко, у своего друга Головина; но я слышала, что онъ уже не вернется на свой постъ и имѣетъ намѣреніе путешествовать для поправленія здоровья. Его преемникомъ называютъ генерала Тормасова, или князя Горчакова. Не думаю, чтобы это рѣшилось до отъѣзда Императора.

Свадьба Лизы Голицыной назначена на будущее воскресенье, и *идеалъ* съ нетерпѣніемъ ждетъ освобожденія отъ тещи, уже теперь порядочно надоѣвшей ему. Г-жа и г-нъ Терци поѣдутъ вдвоемъ въ Бергамо, потому что княгинѣ Мишель невозможно будетъ уѣхать теперь, такъ какъ вопросъ объ опеку далеко не рѣшенъ и каждый день появ-

ляются новые векселя. Мнѣ кажется, что именно мысль о путешествіи безъ тещи больше всего радуеть Терци.

Судя по вашему послѣдному письму къ г-жѣ де-Нуазевиль, г-жѣ Сень-При очень плохо; если ей не суждено жить, да поможетъ ей Господь въ ея послѣднія минуты и пошлетъ ей легкую кончину. Ея мужъ не будетъ ее оплакивать, она сдѣлала его порядочно несчастнымъ! И воспитаніе дѣтей отъ того выиграеть. Такъ какъ у г-жи Остерманъ нѣтъ дѣтей, ей слѣдовало бы взять Ольгу: это было бы добрымъ дѣломъ. Что же касается г-жи Толстой, то у нея достаточно собственныхъ блондинокъ, чтобъ еще прибавлять къ нимъ блондинку Сень-При.

КРИСТИНЪ.

Москва, 20 Августа 1814.

Я нахожу, что вы устраиваете свои денежные дѣла чрезвычайно умно и обдуманно, и такъ какъ успѣхъ увѣнчиваетъ ваши усилія, то это должно заставлятъ васъ смотрѣть спокойно на будущее и можетъ облегчить вамъ всѣ небольшія непріятности въ вашемъ теперешнемъ положеніи. Но вы достаточно знаете людское сердце, чтобы думать, что есть такое положеніе, гдѣ можно бы найти полный отдыхъ и удовлетвореніе. Вы теперь чувствуете неудобства жизни въ свѣтѣ; при другихъ обстоятельствахъ вы познакомились бы съ темными сторонами отдаленія отъ него. Если бы Господу угодно было допустить, чтобы душа всегда бывала преисполнена набожности, замѣняющей и превосходящей всѣ привязанности, то мы чувствовали бы себя вполне счастливыми и въ кельѣ и въ пустынѣ; но какому набожному сердцу не знакомы тѣ минуты пустоты, когда Духъ Божій какъ бы покидаетъ насъ, оставляя въ жертву слабости нашей природы. Подобныя испытанія ожидаютъ васъ при спокойномъ существованіи. Не заблуждайтесь; боюсь, какъ бы вы не стали сожалѣть о прошломъ и не почувствовали пустоту и скуку при переходѣ изъ придворнаго общества, всегда вѣжливаго, въ общество людей, занятыхъ интересами болѣе мелочными и вращающихся въ кругу мыслей болѣе ограниченномъ.

Г-жа Толстая знаетъ о смерти своей сестры; она такъ огорчилась ею, что не могла отвѣтить мнѣ, а поручила это мосье Праделю, гувернеру маленькаго Протасова; но извѣстіе, что племянники и племянницы находятся у г-на Моркова такъ взволновало ее, что не будучи въ состояніи писать сама, она потребовала, чтобы Прадель написалъ графу Моркову о немедленной высылкѣ дѣтей съ гувернеромъ въ Тро-

ицкое. Откровенно говоря, я предпочелъ бы, чтобы она подождала недѣлю и тогда написала сама. Я боюсь, какъ бы графъ Морковъ не увидалъ въ этой поспѣшности (письмо Праделя было послано съ нарочнымъ) того же, что усматриваю я, т.е. какъ будто страха передъ его домомъ. Графъ очень чутокъ и щепетилень на этотъ счетъ, и его образъ дѣйствія въ данномъ случаѣ заслуживаетъ большей деликатности. Дѣти г-жи Сенъ-При не увидятъ ничего неприличнаго у г-на Моркова, и они слишкомъ юны, чтобы понять темную сторону въ семейной жизни. Поэтому я считаю поступокъ г-жи Толстой неделикатной, почти обидной поспѣшностью. Графъ Морковъ можетъ сказать, что не знаетъ, кто такое г. Прадель и не считаетъ себя обязаннымъ исполнять приказанія, переданныя ему черезъ лицо, о самомъ существованіи котораго онъ даже не подозрѣваетъ. Чрезмѣрная щепетильность иногда походить на гордость, и поступокъ г-жи Толстой можно понять именно такъ.

Такъ вотъ княжна Лиза превратилась въ „Бергамеска“; ну, дай Богъ ей счастья! Вполнѣ понимаю радость мужа, что пришлось проститься съ кроткой тещей. Кажется, что въ общественныхъ дѣлахъ ничто не закончится до возвращенія изъ Вѣны. Кого вы пришлете управлять нами? Графа ли Ростопчина или его преемника, и въ такомъ случаѣ, кто имъ будетъ? Москвичи не могутъ обходиться безъ новостей.

Я нѣсколько времени не видалъ г-жи Эверсъ; она встрѣтила меня сдержанно и церемонно: ей пришло въ голову, что я дуюсь на нее, и что какой-то злой духъ возстановилъ меня противъ нея... Богъ знаетъ, откуда у нея подобныя мысли. Бѣдняжка проста и безхитростна, какъ ребенокъ. Здоровье ея мужа ухудшается; она какъ будто не замѣчаетъ того; но мнѣ это ясно. Если онъ умретъ, г-жѣ Эверсъ невозможно будетъ жить одной; ее придется помѣстить гдѣ-нибудь, гдѣ за ней будутъ ухаживать, или найти ей пансіонъ въ хорошей семьѣ, гдѣ бы она имѣла возможность ходить въ церковь, такъ какъ это единственное, въ чемъ она нуждается за порогомъ дома.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 14 Августа 1814 г.

Право, вы удивительный человекъ, и я преклоняюсь передъ вашимъ гениемъ, благодаря которому вы удивительно мило приступаете ко всѣмъ возможнымъ вопросамъ; правда и то, что вы обращаетесь къ людямъ, такъ сказать кокетничающимъ вашими письмами: какъ

только получается письмо, которымъ можно похвастаться, мы не пропускаемъ случая сдѣлать это. Знайте же, что письмо, адресованное г-жѣ де-Нуазевиль находится въ карманѣ графини Строгоновой, которая, не удовольствовавшись его прочтеніемъ, непременно пожелала показать его мужу; а такъ какъ мужа утромъ не было дома, то мы оставили письмо у нея, чтобъ она показала ему. Рассказываю вамъ это, чтобы поддержать въ васъ доброе намѣреніе постоянно писать намъ. Я также получила письмо отъ гр. Моркова, но онъ мнѣ ничего не пишетъ о г-жѣ Сень-При; очевидно онъ забылъ, что я знала ее. Но зато онъ много говоритъ о дочери, жалуясь на ея плохое здоровье; особенно ея слабость, повидимому, тревожитъ его; дѣйствительно, дѣвочка трясется всѣмъ тѣломъ. Это ужасно. Богъ знаетъ, къ чему это можетъ привести, но я видѣла, какъ она не въ состояніи была сама ѣсть за столомъ. Я думаю, что ее слишкомъ пичкали лѣкарствами и вмѣсто того, чтобы укрѣпить ея нервы, ей ихъ совершенно испортили. Я отъ всего сердца желаю, чтобы дѣвочка поправилась, и не было больше разговоръ о поѣздкѣ въ Италію; мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ вы уѣзжали.

Я не жалѣю о г-жѣ Сень-При, но повторяю, что говорила въ послѣднемъ письмѣ: дай Богъ, чтобъ ей удалось покаяться, и миръ ея душѣ! Сестры горюютъ о ней: обѣ были привязаны къ ней. Мужъ ея вздохнетъ теперь, и дѣти только выиграютъ отъ такого рѣшенія Провидѣнія, потому что ихъ воспитаніе станетъ лучше, когда ея не будетъ, чтобы стѣснять мужа. На мѣстѣ г-жи Сень-При я бы отдала дѣвочку въ институтъ; увѣряю васъ, ей тамъ будетъ лучше, чѣмъ у тетокъ.

Полученныя на этихъ дняхъ новости кажутся мнѣ лишенными всякаго вѣроятія: сообщали о заговорѣ, открытомъ въ Парижѣ. Зачинщиками одни называли Савари, Коленкура и Камбасереса; другіе—Марію Луизу. О заговорѣ упоминаетъ Гамбургская газета, а между тѣмъ это вздоръ: въ письмахъ изъ Парижа говорятъ, что все спокойно. Я не считаю вещь невозможной: при пестротѣ населенія этого города и тамъ найдутся элементы всевозможныхъ смуть. Меня не удивляетъ нѣкоторое разочарованіе Ла-Мезонфора; у него общая всѣмъ эмигрантамъ манія иллюзій; онъ вообразилъ, что королю недостаточно будетъ половины владѣній, чтобъ заплатить за его брошюры, и теперь его надежды оказываются обманутыми. Тоже самое съ маркизомъ Де-Ла-Ферте. Онъ уѣхалъ въ надеждѣ стать генераль-лейтенантомъ и каждый вечеръ составляетъ партію Людовику XVIII. Всѣ эти господа не-

много сумасшедшіе; между ними одинъ только герцогъ Полиньякъ благо-
горазуменъ. По моему также очень хорошо, что герцогъ Ришелье не
возвращается во Францію; аббатъ Николь, пріѣхавшій изъ Одессы,
повторяетъ это всѣмъ и каждому. Мнѣ это извѣстіе пріятно, потому
что даетъ надежду еще разъ увидать г-на Ришелье, котораго я люблю
и глубоко уважаю.

Кристинъ.

Москва, 27 Августа 1814 г.

Премного вамъ обязанъ за старанія выдвинуть мои незначитель-
ныя заслуги и пріобрѣсти мнѣ уваженіе вашихъ друзей; я высоко
ставлю мнѣніе графини Строгоновой; повторяйте ей при каждомъ слу-
чаѣ, что я лучше своей репутаціи, которую начинаю считать очень
плохой, что вывожу изъ стараній, прилагаемыхъ, чтобы выставить меня
въ хорошемъ свѣтѣ передъ порядочными людьми. А между тѣмъ, если
разсудить хорошенько, кто лица, пустившія про меня плохую славу,
то не пришлось бы придавать много вѣры ихъ рассказамъ. Этой бѣдѣ
поможетъ время, и ею нечего огорчаться больше, чѣмъ слѣдуетъ, какъ
вообще всѣмъ, чему нельзя помочь.

Я не вѣрю въ парижскіе заговоры: думаю не найдется сумасшед-
шихъ, серьезно пожелавшихъ бы снова посадить на тронъ Бонапарта.
Изъ затруднительнаго положенія короля пожелаютъ извлечь все, что только
будетъ можно, но дальше дѣло не пойдетъ. Я получилъ еще письмо
отъ Ла-Мезонфора, помѣченное 1-мъ Августа, гдѣ онъ убѣждаетъ меня не
вѣрять смутьянамъ и недовольнымъ и увѣряетъ, что все изумительно
успокаивается.

Я очень доволенъ, что герцогъ Ришелье остается въ Россіи, разъ
вамъ это пріятно; но не могу не удивляться, что человекъ, семья ко-
торого обязана своимъ состояніемъ и знатностью Бурбонамъ, не ѣдетъ
къ своему государю въ минуту необходимости. 12 лѣтъ тому назадъ
герцогъ Ришелье былъ во Франціи и велъ переговоры объ условіяхъ,
которымъ готовъ былъ подчиниться, поселившись во Франціи и служа
Бонапарту. Консулъ требовалъ очень многого, и герцогъ предпочелъ
вернуться въ Россію. Но теперь не вижу, что его задерживаетъ; развѣ
только, что онъ не считаетъ положеніе прочнымъ короля, но, если смѣю
сказать, по моему мнѣнію именно это должно было бы заставить его
вернуться на свой постъ больше, чѣмъ какая нибудь личная выгода.
Пріятно было бы видѣть въ немъ благородный характеръ французскихъ

рыцарей, не рассчитывавшихъ ничего и знавшихъ только короля, честь и свою даму. Правда, по возвращеніи во Францію противъ герцога Ришелье говорило бы его нежеланіе поднять оружіе на Бонапарта. И это былъ также расчетъ... а, повторяю: всякій рассчитывающій рыцарь уже лишился духа своего сословія. Возьмите, на примѣръ, Эммануила Сень-При, Ланжерона, герцога Брольи и еще нѣкоторыхъ другихъ, не измѣнившихъ своимъ убѣжденіямъ и никогда не покидавшихъ прямого пути! Впрочемъ, не имѣя удовольствія быть лично знакомымъ съ герцогомъ Ришелье и не зная причинъ, которыми онъ можетъ руководиться, я не имѣю права его судить, и поэтому все, что говорю вамъ, не болѣе какъ отвлеченное разсужденіе, можетъ быть неосновательное, и которому я не придаю цѣны.

Г-жа Мятлева провела здѣсь двѣ недѣли; она уѣзжаетъ завтра. Хорошо ли вы знакомы съ ней? Знаете ли вы г-жу Мейланъ и ея мужа? Знаете ли г-жу Тончи, г-жу Жераръ, г-жу Елену Пушкину? Напишите мнѣ, пожалуйста, знакомы ли вы съ этими дамами? Пребываніе здѣсь г-жи Мятлевой заставило меня вращаться въ ихъ кругу, онѣ болтаютъ довольно умно на своемъ жаргонѣ, имѣютъ много претензій, вовсе лишены здраваго смысла, единственнаго, чему я придаю значеніе. Г-жа Мятлева точно королева среди всѣхъ ихъ, а эти дамы какъ будто трутся о нее около, чтобы позаимствовать отъ нея, хотя внѣшнимъ образомъ, то, чего въ нихъ нѣтъ и чего они не уловятъ, потому что качества, данныя отъ природы, не приобрѣтаются.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 27 Августа 1814.

Сегодня всѣ отправляются къ г-жѣ Демидовой, гдѣ домашній спектакль. Даютъ „Défiance et Malice“, а затѣмъ „Entrevue“. Участвуютъ хозяйка и знаменитая дѣвица Лунина. Обѣ играютъ хорошо. И я бы могла насладиться ихъ талантомъ, получивъ приглашеніе; но не воспользовалась имъ. Я такъ давно не была въ театрѣ, что совершенно отвыкла и не нахожу уже въ немъ удовольствія.

Вернувшись въ городъ, князь Борисъ разошлетъ карточки съ извѣщеніемъ о помолвкѣ Татіаны и у него будутъ приемы. Не знаю, что вамъ писала о Потемкинѣ г-жа де-Нуазевиль, но я не нахожу его Грандиссономъ черезъ мѣру; онъ сдержанъ и цѣломудренъ иногда до глупости. Онъ говоритъ, что влюбленъ, очень счастливъ, а смотря на него можно подумать, что онъ женится только потому, что маменька ска-

зала ему: „Женись, сынъ мой, я этого желаю“. Однимъ словомъ, тутъ что-то для меня непонятное, и я желала бы, чтобы вы увидали все, чтобы объяснить мнѣ. Г-жа де-Нуазевиль часто теряетъ терпѣніе, но такъ какъ нашъ женихъ грѣшитъ только избыткомъ добродѣтели, то мы рѣшаемся молчать. Молодой Юсуповъ, несмотря на всю свою взбалмошность и многое въ немъ смѣшное, часто бываетъ пріятнѣе своего своднаго брата. Нѣтъ, я не люблю Грандиссоновъ. Однако и Юсуповъ не въ моемъ вкусѣ.

Молодые супруги Bergamasque въ упоеніи другъ другомъ; маркизь называетъ жену *Лили*, а маркиза именуетъ его *Коко*. Теща вполне довольна, а также и братья. Шуваловъ пріѣхалъ, сегодня ему даютъ обѣдъ у Терци, гдѣ будутъ всѣ родные.

Интересно бы послушать Шувалова о его путешествіи съ Бонапарте,¹⁾ но не знаю, гдѣ мнѣ удастся увидать его. Онъ пріѣхалъ изъ Рима, привезъ съ собою старыя папскія туфли и много четокъ, благословенныхъ его святѣйшествомъ. Пріѣхалъ также генералъ Келеръ и г-нъ де-Ноаль, въ качествѣ министра, но не посла, вслѣдствіе чего Поццо ди-Борго можетъ остаться въ Парижѣ. Нѣкій графъ Лэзэ, племянникъ г-на де-Бріанъ, сказалъ мнѣ, что вашъ другъ Ла-Мезонфоръ назначенъ личнымъ секретаремъ короля и получилъ квартиру въ Тюльери. Это его развеселитъ и возвратитъ ему здоровье. Герцогъ Ришелье испросилъ отпускъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы съѣздить во Францію съ единственной цѣлью представиться королю; но онъ, повидимому, рѣшился остаться на службѣ Россіи, что очень просто, потому что у себя на родинѣ онъ почти чужой. Никто еще не видалъ г-на де-Ноаля; онъ остановился въ гостинницѣ и живетъ очень скромно; съ нимъ молодой Сень-Викторъ, родной племянникъ Сень-При, и графъ Ламуссели, атташе при посольствѣ. Какую роль будутъ играть эти господа, увидимъ, но можно предвидѣть, слава Богу, что не такую, какъ проконсулъ Коленкуръ.

Вы спрашиваете меня о вашемъ московскомъ начальникѣ? Онъ получилъ отставку по своему прошенію и, говорятъ, поселится со всей семьей въ Петербургъ. Наконецъ я его встрѣтила; мы провели вмѣстѣ вечеръ у г-жи Гурьевой; Ростопчинъ казался очень веселымъ собесѣдникомъ: всѣ имъ были довольны, и я также. Онъ жалуется на здоровье, но по моему снѣ имѣетъ видъ вовсе не плохой, лицо у него не такое желтое, какъ прежде. Вамъ на его мѣсто пришлютъ Тормасова или Горчакова. Кого вы желали бы? Того мы вамъ и пришлемъ.

¹⁾ Шуваловъ сопровождалъ Наполеона на о-въ Эльбу.

КРИСТИНЪ.

Москва, 3 Сентября 1814 г.

Я уже давно замѣтилъ, что скупость изсушаетъ сердце и наконецъ дѣлаетъ смѣшнымъ тѣхъ, кто ей поддается. Но несмотря на это, часто повторяющееся наблюдение, я не могу не удивляться, когда вижу, какъ богатые люди дѣлаютъ изъ-за какихъ-нибудь копѣекъ гадости, *изобличающія ихъ!* Какъ это у нихъ не хватаетъ ума, чтобы противиться такимъ низменнымъ искушеніямъ. Сажени дровъ, стоящей 10—15 руб. было бы достаточно, чтобы доставить удовольствіе на недѣлю и доказать, что вы обязательны... Нѣтъ, страсть подсказываетъ сотню ложныхъ причинъ, скрывающихъ настоящую, и все же ее не скроешь. И вотъ любовь къ этимъ 15 рублямъ оказывается въ сердцѣ лица, имѣющаго триста тысячъ доходу и тратящаго только четверть этой суммы. Какія мы презрѣнныя созданія! Ибо тѣ, кто не скупъ, имѣютъ другія слабости, которыя тщетно скрываютъ, и на всѣхъ на насъ, сколько насъ ни есть, лежитъ печать нашихъ прародителей. Чужія несовершенства заставляютъ меня смиряться, такъ какъ я начинаю сознавать, что и я имѣю свои недостатки, столь же видимые для чужихъ глазъ, хотя самолюбіе и обманываетъ часто въ этомъ отношеніи.

Скажите мнѣ: унаслѣдовалъ ли молодой Потемкинъ скупость отъ своей матери? Надѣюсь, что нѣтъ, такъ какъ онъ Грандиссонъ. Досадую на себя, что не сообщилъ вамъ раньше мысли, пришедшей мнѣ: если у этого молодого человѣка есть сердце, ему слѣдовало бы сдѣлать что-нибудь для г-жи де-Нуазевиль; что ему стоило бы пожертвовать сотней крестьянъ изъ десяти тысячъ, дарованныхъ ему Небомъ. Грандиссонъ сдѣлалъ бы еще не то для гувернантки Генриетты Байронъ; а чѣмъ же Татіана хуже этой англичанки. Но часто люди, имѣющія наилучшія намѣренія, не дѣлаютъ того, что должны бы сдѣлать потому, что никто не наводитъ ихъ на подобную мысль. Не удастся ли вамъ пробудить въ молодомъ человѣкѣ такое намѣреніе, подѣйствовавши на его самолюбіе. Говорю „пробудить“, потому что, если его сердце доступно благодарности, мысль эта должна сама собой найтись въ его душѣ. Г-жа де-Нуазевиль не обыкновенная гувернантка, не подарками платьевъ или шалей можно выразить ей свою благодарность. Ее необходимо обезпечить, чтобы она могла имѣть пріятную, независимую старость, не прибѣгая ни къ чьей помощи, потому что только въ такомъ случаѣ является возможность сохранить всѣхъ своихъ друзей.

Ничто такъ не располагаетъ любить насъ, какъ если мы не нуждаемся въ людяхъ, которые насъ любятъ. Подумайте, что можно внушить вашему Грандиссону въ этомъ отношеніи. Вы такимъ образомъ сдѣлали бы дѣло, достойное васъ. Но прошу васъ, сохраните въ секретъ мою просьбу, потому что какъ бы ни были хороши руководящія намѣренія, смѣшно вмѣшиваться въ дѣла человѣка, котораго никогда не видалъ. Татіана могла бы попросить его о томъ; это было бы очень умѣстно.

Я радъ, что вы переѣхали въ городъ: при той ужасной погодѣ, какая стоитъ, вы бы навѣрное простудились.

Извините меня, но *Лили* и *Коко* смѣшны, если людямъ не 15 лѣтъ; а вѣдь *Лили* 25. Ну, дай Богъ, чтобъ этотъ *Коко* имъ и остался; измѣненіе одной гласной *) внесло бы ужасное измѣненіе въ эту супружескую нѣжность. Однако, извините: я забылъ, что пишу не г-жѣ де-Нуазевиль; эта шутка для нея, а не для фрейлины; но уже слишкомъ поздно, чтобы начать посланіе сначала.

Вотъ письмо отъ графини Толстой, которая проситъ васъ переслать его мужу черезъ г-жу Гурьеву. Она получила письмо отъ 30 Іюля изъ Альтоны; графъ уже три мѣсяца не получалъ отъ нея писемъ. Онъ еще не знаетъ, когда ему можно будетъ вернуться.

Я ничего не слыхалъ объ этомъ мѣстѣ *Ла-Мезонфора*, мнѣ кажется, это ложное извѣстіе, потому что онъ не писалъ мнѣ ничего подобнаго въ своемъ письмѣ отъ 1 Августа. Прощаюсь съ вами, чтобы отправиться обѣдать къ г-жѣ Мятлевой, уѣзжающей только сегодня. Мнѣ жаль ея общества: она любезна, добра и весела, что часто составляетъ самое притягательное качество въ обществѣ.

Не могу скрыть, что Москва въ восторгѣ отъ отставки Ростопчина. Рассказываютъ, будто онъ написалъ женѣ: „Наконецъ Его Величество оказалъ мнѣ милость, избавивъ меня отъ управленія этой *мошенницей*“. Не ручаясь за подлинность фразы, во всякомъ случаѣ могу васъ увѣрить, что *мошенница* въ долгу у него не остается и платитъ ему той же монетой.

*) Игра словъ; измѣнивъ въ имени *Сосо* послѣднее *о* на *и*, получается *сосои*, т. е. рогатый.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 3 Сентября 1814.

Я нахожу поступокъ г-жи Толстой, требующей возвращенія племянниковъ черезъ Прадоля, совершенно неприличнымъ. Дай Богъ, чтобы г. Морковъ не догадался о настоящей причинѣ этого выступленія и приписалъ бы чувству поспѣшность, проистекающую только изъ гордости. Да, тутъ одна гордость, и я не понимаю, чтобъ ее такъ ставили на первый планъ, да еще при той религіозности, которую мнѣ часто приходилось наблюдать въ графинѣ Толстой. Ахъ, Боже мой, какое же значеніе имѣютъ выполненіе обрядовъ, хожденіе къ обѣдни, чтеніе! Повидимому, все это только внѣшнее. А между тѣмъ вѣдь не это проповѣдывалъ намъ Тотъ, къ Кому мы обращаемся съ подобнымъ служеніемъ. Самоотреченіе, уничтоженіе, полное смиреніе—вотъ что нужно и чего здѣсь нѣтъ. Каково бы ни было горе г-жи Толстой, она не должна была бы поддаваться первому чувству, которое можетъ оскорбить человѣка, постушившаго прекрасно. Мнѣ кажется, я на ея мѣстѣ написала бы г-ну Моркову, благодаря его за участіе, оказанное имъ въ этомъ случаѣ, и только послѣ подобной благодарности попросила бы прислать дѣтей. Я увѣрена, что г. де Сенъ-При поступилъ бы такъ же, и, скажу вамъ, что его братъ Людовикъ, находящійся здѣсь, непріятно пораженъ поступкомъ графини. Онъ съ своей стороны поспѣшилъ написать г. Моркову, чтобы выразить ему свою благодарность. Кромѣ того, какъ вы замѣчаете совершенно вѣрно,—что неприличное могутъ увидать дѣти, и что они понимаютъ въ этомъ возрастѣ? Развѣ лучше было бы оставить ихъ у евреевъ, гдѣ умерла мать? Это было бы безсмыслицей, и еще разъ я не одобряю поступка графини Толстой, и если какъ нибудь рѣчь зайдетъ объ этомъ между нами, я безъ обиняковъ выскажу ей свое мнѣніе.

Г-жа де-Нуазевиль была у меня вчера; она прочла мнѣ ваше послѣднее письмо, и вовсе не желая умалять достоинство г-жи Мятлевой, которую вы находите такой любезной и очаровательной—какова она и есть на самомъ дѣлѣ—я все же нахожу, что вы нѣсколько преувеличиваете, сравнивая ее съ другими женщинами, совершенно незначительными. Она воспитана, жила съ дѣтства при дворѣ и въ большомъ свѣтѣ, считающемся хорошимъ, во всякомъ случаѣ представляющимъ всѣ блестящія стороны цивилизаціи, и гдѣ надо имѣть тактъ, вкусъ, хорошія манеры. Г-жа Мятлева провела свою жизнь въ этой

средѣ, слѣдовательно, совершенно естественно, что она такова, какова есть, хотя бы въ ней и не было ничего особеннаго. Она, можетъ быть, лучше многихъ другихъ, но я не нахожу въ ней ничего выдающагося и увѣряю васъ, что она произвела на васъ нѣкоторое впечатлѣніе только потому, что за послѣднее время вы встрѣчали однихъ гримасницъ въ родѣ Елены Пушкиной и компаніи. У васъ слишкомъ развитой вкусъ, чтобы любить подобный жанръ и не распознать неподдѣльнаго. Я все это сказала г-жѣ де-Нуазевиль, но прошу васъ не думать, чтобы я относилась къ г-жѣ Мятлевой несправедливо. Боже, меня сохрани!

Какой день 30 Августа здѣсь! Сколько осчастливленныхъ людей, сколько пожалованныхъ милостей, сколько сіяющихъ лицъ! Есть пожалованные въ князья, въ камергеры, въ кавалерственныя дамы ордена Св. Екатерины,—словомъ радость полная. Однимъ почеркомъ пера создано десять сіятельствъ, ибо всѣ Салтыковы стали ими; одиннадцать дамъ получили орденъ Св. Екатерины; съ полдюжины лицъ произведены въ камеръ-юнкеры. На долю моихъ друзей на набережной выпалъ орденъ Св. Владимира 1-й степени въ ту минуту, когда думали, что все рухнетъ для нихъ. Я очень рада, что они опять всплыли на поверхность, хотя многимъ это принесло огорченіе. Я провела у нихъ вечеръ 30; удовольствіе старались сдерживать; но что меня забавляло—это толпа, явившаяся поздравить съ лентой столь неожиданной, но поднявшей акціи семьи; и я увѣрена, что среди этой толпы были многіе въ душѣ бѣсившіеся. Какъ все это жалко!

Я видѣла г. де-Ноая, аккредитованнаго посломъ въ полной формѣ и беру назадъ всѣ свои слова по этому поводу. Это человѣкъ лѣтъ 35, пріятной внѣшности и скромный на видъ. Говорятъ, что онъ нѣсколько ограниченъ; не могу ничего сказать на этотъ счетъ. Проведя съ нимъ вечеръ у княгини Борисъ, я слышала, какъ онъ бесѣдовалъ съ г. де-Местромъ о литературѣ. Все, что онъ говорилъ, было очень кстати; съ меня и этого достаточно. Ему устроили великолѣпный пріемъ, чѣмъ онъ, повидимому, остался очень доволенъ. Онъ все еще живетъ въ гостинницѣ „Европа“, но полагаютъ, что займетъ особнякъ, гдѣ жилъ Коленкуръ. Поццо поселился въ отелѣ Телюссонъ, но такъ какъ онъ не имѣетъ полномочій посла, то, вѣроятно, уступить свое помѣщеніе другому. По здѣшнимъ слухамъ его преемникомъ будетъ или Кочубей, или баронъ Строгоновъ, находящійся въ Швеціи.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 14 Сентября 1814 г.

Съ нетерпѣніемъ жду возвращенія сестеръ; 3-го ихъ еще не было въ Москвѣ. Г-жа Апраксина собирается уѣхать на будущей недѣлѣ. Не пишите мнѣ больше сюда; однако не говорите, пока, ничего у тетуски. Если бы меня что-нибудь задержало, она стала бы тревожиться, а я не хочу ее беспокоить.

Изъ вашихъ разсужденій о томъ, что Потемкинъ долженъ былъ бы сдѣлать для г-жи де-Нуазевиль, видно, что вы живете въ 728 верстахъ отъ Петербурга. Еслибы вы были на мѣстѣ дѣйствія, вы увидали бы, что трудно внушить благія мысли человѣку настолько алатичному. Вы себѣ представить не можете равнодушія этого молодого человѣка, даже невѣстѣ не оказывающаго вниманія больше, чѣмъ необходимо, а о другихъ ужъ и говорить нечего. Вначалѣ я думала, что онъ растерялся отъ счастья, но теперь вижу, что уже таковъ онъ по природѣ. Онъ увѣренъ, что женится на Татіанѣ и потому не тревожится: ничто его не волнуетъ и не трогаетъ; у него нѣтъ дурной мысли; онъ не сдѣлаетъ дурного поступка; но можно ручаться, что никогда великодушный порывъ или что-либо живое, страстное не проснется въ его душѣ. Онъ какъ будто не думаетъ ни о чемъ, а между тѣмъ не разсѣянъ и не занятъ. Богъ его знаетъ, о чемъ онъ думаетъ; мы ровно ничего не понимаемъ. Предположимъ, что Татіана вечеромъ пожаловалась на легкое нездоровье; на слѣдующій день онъ не пришлетъ освѣдомиться, самъ не придетъ раньше 3 часовъ—своего обычнаго часа, и ужъ много, если увидавъ свою хорошенькую невѣсту, вспомнить, что ей нездоровилось наканунѣ. До сихъ поръ у него нѣтъ дома, онъ не завелъ лошадей; а когда ему говорятъ объ этомъ, онъ отвѣчаетъ: „Подумаю“, и конецъ. Однажды онъ попросилъ меня переговорить съ княгиней, чтобы поторопиться свадьбой; я замѣтила, что ему негдѣ поселиться съ женой. А онъ отвѣтилъ: „Да, это правда, надо подумать“ и не сдѣлалъ ни шагу, чтобы найти домъ. Понимаете вы все это? И какъ послѣ того, у такого человѣка могла бы явиться мысль подобная той, которая пришла вамъ въ голову! Это невозможно; и даже, если ему ее внушить, онъ никогда не отзовется на нее. Вотъ каковъ нашъ женихъ въ ожиданіи свадьбы. Послѣ того, прошу васъ избавить меня отъ совѣтовъ ему.

Я показала ваше письмо г-жѣ де-Нуазевиль, и мы посмѣялись вашей фантазіи. Г-жа де-Нуазевиль смотритъ на Потемкина тѣми же глазами, что я, и покоряется судьбѣ, надѣясь, что Татіана будетъ управлять мужемъ и найдетъ счастье. Его спокойствіе иногда выводитъ княгиню изъ себя, и она не можетъ удержаться, чтобъ не высказать ему этого; но видя, что дочь не протестуетъ, въ концѣ концовъ умолкаетъ, тѣмъ болѣе, что его нельзя упрекнуть ни въ чемъ предосудительномъ съ самого рожденія. Но вы правы, говоря, что г-жа де-Нуазевиль заслуживаетъ, чтобы позаботились о ея будущности. Это не обыкновенная гувернантка; она хорошо воспитала этихъ молодыхъ дѣвушекъ, и разница между тремя меньшими и старшей говоритъ безусловно въ пользу воспитательницы. Во всякомъ случаѣ я обезпечила бы г-жу де-Нуазевиль не крестьянами, а деньгами; она распорядилась бы ими по своему усмотрѣнію. Мнѣ кажется, что главное для нея было бы перевезти и устроить въ Россіи ея дочь съ дѣтьми. Если бы у нея были средства выписать ихъ, я не сомнѣваюсь, что она сдѣлала бы это немедленно.

Нѣсколько записокъ 1814 года.

(Изъ времени пребыванія княжны въ Петербургѣ).

Если бы я не любила васъ, милый Крестинъ, какъ люблю, то, увѣряю васъ, никогда въ жизни не позволила бы себѣ высказать свое мнѣніе о данной особѣ. Богъ по своей милости далъ мнѣ сердце неспособное дѣлать зло. Я вполне понимаю ваше поведеніе и нахожу эту женщину очень счастливой при всѣхъ постигшихъ ее невзгодахъ. Немногіе люди обладаютъ вашей деликатностью и думаютъ какъ вы. Но, повторяю, я понимаю и то и другое. Если когда нибудь случай сведетъ меня съ г-жей Б., будьте увѣрены, что я отнесусь къ ней не такъ, какъ всѣ ваши знакомые, а съ особеннымъ удовольствіемъ поступлю сообразно вашимъ желаніямъ; моя нѣжная и искренняя дружба къ вамъ не измѣнится ни въ какомъ случаѣ.—Большое спасибо за бумагу *Joseph*; я буду ее очень беречь.—Сестра спала хорошо; никого не разбудили и не побеспокоили; я одна не спала. Я легла въ грустномъ настроеніи, и это нѣсколько мѣшало мнѣ спать; но подъ утро я заснула и пишу вамъ, еще лежа въ постели.

Вы мнѣ сдѣлали прекрасный подарокъ, приславши щетки; онъ для меня очень цѣненъ; но вы бы могли мнѣ подарить простыя безъ всякой серебряной оправы. Повторяю, вы удивительно щедры и ра-

зоряетесь изъ-за трехъ сестеръ, постоянно дѣлая намъ подарки. Я сохраню вашу записку, чтобъ побѣсить Титова. Разъ эта роковая княгиня Горчакова пригласила васъ вечеромъ, приходите къ обѣду. Катя провела ночь хорошо и чувствуетъ себя здоровой.

*

Не думаю, чтобы сестрѣ можно было выѣхать вечеромъ, милый Крестинъ, хотя сегодня она чувствуетъ себя хорошо. Вчера она была у князя Θεодора, наконецъ приѣхавшаго. Сегодня у г-жи Пушкиной бостонъ, который ей не подходитъ. Г-жа Апраксина у г-жи Волковой. Однимъ словомъ предвижу, что она остается дома, а такъ какъ мнѣ хотѣлось бы собраться съ мыслями хотя въ продолженіе часа, то умоляю васъ приѣхать къ намъ и занять сестру; можетъ быть, вы ее увезете къ князю Θεодору, который будетъ радъ ей. Устройте это, милый, и доставьте мнѣ нѣсколько свободнаго времени, чтобы исполнить мои обязанности: вы окажете мнѣ большое одолженіе.

*

Вы очень вѣрно предсказали: погода или, можетъ быть, ходъ болѣзни не давали намъ дня на столько хорошаго, какъ вчерашній: между тѣмъ припадокъ былъ не такъ силенъ и былъ короче: онъ начался въ часъ по полудни и кончился около шести. Прежде онъ продолжался цѣлый день. Надѣюсь, что ночь пройдетъ хорошо. Мнѣ досадно, что нездоровье лишаетъ меня удовольствія видѣть васъ у себя; я рассчитывала на это, потому что вы баловали меня всѣ эти дни, и съ надеждой ждала наступленія обычнаго часа; когда мнѣ принесли записку, надежда исчезла; но признаться ли вамъ? Еще не прочтя записку, я подумала, что вамъ мѣшаетъ приѣхать глупый балъ у князя Георгія Долгорукаго. Простите мнѣ, прошу васъ, это подозрѣніе. Проглотите три порошка сѣры и поправитесь.

*

Понимаете ли вы Θεодора, и видана ли подобная разсѣянность? Пригласить насъ обѣдать и уѣхать въ тотъ же день. Мы поспѣшили къ г-жѣ Апраксиной, къ нашему обычному прибѣжищу, а вы куда дѣвались? Мнѣ, право, досадно, что я заставила васъ пройтись, чтобъ поклониться двери любезнаго князя Георгія.

*

Дѣло обошлось лучше, чѣмъ я ожидала, потому что ночь прошла хотя и не вполне спокойно, но сносно. Но помните мое отчаяніе, когда утромъ, одѣвшись я увидала, что сестра не хочетъ итти въ церковь, ссылаясь на страхъ, и увѣряя, что убѣжить оттуда. Наконецъ я добилась, чтобы она пошла со мной и имѣла счастье видѣть, что она не безучастно подошла къ Св. Причастію. Она сильно плакала,

и я привела ее домой болѣе спокойной. Послѣ того было опять два припадка; однако видно, что она старается удержаться отъ нѣкоторыхъ движеній, и я поддерживаю ее въ борьбѣ, высказывая, что она должна быть увѣрена въ побѣдѣ въ такой день какъ сегодня. Пока я пишу вамъ, она въ гостинной съ Титовымъ, г-жей Апраксиной и тетушкой; дѣло идетъ сносно; можетъ быть произойдетъ улучшение; я вѣрю въ милосердіе Божіе. Но я, милый Крестинъ, я несчастная; я совершила великій грѣхъ въ день Рождества, сильно разсердилась на самаго ужаснаго изъ дядей. Увѣряю васъ, что онъ невыносимъ.

*

Вчера сестра чувствовала себя хорошо; насъ весь день не было дома: утромъ были у княгини Голицыной, чтобы видѣть персидскаго посла, обѣдали у г-жи Апраксиной, вечеръ снова провели у Θεодора, гдѣ оставались до полуночи. Сестра спала хорошо, проснулась веселѣе обыкновеннаго, но къ полудню снова наступило дурное расположеніе духа, и до сихъ поръ она еще не спокойна. Однако я отвезу ее къ князю Θεодору, гдѣ она поиграетъ въ бостонъ. Если вы придете къ намъ теперь, то застанете; если же нѣтъ, то предупреждаю, что въ семь насъ уже не будетъ. То, что вы мнѣ говорите о себѣ, совершенно лишено смысла; вы никогда не надоѣдите мнѣ, но всегда будете для меня интересны. Я васъ очень люблю и думаю, что вы также ко мнѣ привязаны, слѣдовательно должны быть убѣждены, что я хочу васъ слышать всегда. Даже говоря со мной какъ съ духовникомъ, вы бы не переступали границъ: такъ должно быть между людьми понимающими и любящими другъ друга. Слышите вы это, милостивый государь?

(Княжна Туркестанова уѣхала обратно въ Петербургъ 3 Января 1815 г., увозя съ собой одну изъ своихъ сестеръ, почти лишившуюся разсудка за четыре мѣсяца до того).

